

The book cover features a dark, textured background with a central image of a woman's face and upper body. The woman has her eyes closed and her arms raised, with her hands near her head. The image is rendered in a reddish-brown, almost ethereal or smoky style, giving it a haunting and mysterious appearance. The text is overlaid on this image.

Национальный бестселлер Британии

ВЫХОДА

НЕТ

Кара
Хантер

Кара Хантер
Выхода нет
Серия «Инспектор
Адам Фаули», книга 3
Серия «Национальный
бестселлер Британии»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48410963

Выхода нет: Эксмо; Москва; 2019

ISBN 978-5-04-105315-4

Аннотация

Бритвенная острота сюжета и совершенно непредсказуемая концовка – вот что особо отличает творчество Кары Хантер. Живя и работая в Оксфорде, она обладает ученой степенью в области английской литературы. И знает, как писать романы. Неудивительно, что ее дебют в жанре психологического триллера сразу же стал национальным бестселлером Британии, вызвав восторженные отзывы знаменитых собратьев Кары по перу.

Это дело стало одним из самых ужасных в практике инспектора полиции Адама Фаули...

В разгар рождественских праздников пожарные буквально чудом извлекли из пылающих развалин дома тела двух детей.

Младший мертв; его старший брат борется со смертью в реанимации. Как вышло, что они остались дома одни? Где их мать, и почему отец не отвечает на телефонные звонки?.. Но вот найдены новые улики – и худшие подозрения инспектора Фаули подтвердились. Пожар оказался не несчастным случаем. Это убийство. И страшнее всего то, что убийцей детей может быть их отец...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

124

Кара Хантер

Выхода нет

Cara Hunter
NO WAY OUT

© Петухов А.С., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

Посвящается Каре

Потому что каждому нужна волшебная страна

4 января 2018 года, 00.55

Запись с камеры-регистратора на шлеме-каске пожарного Флетчера, Оксфордширская пожарно-спасательная служба¹.

Происшествие в Феликс-хаус 23, Саути-роуд, Оксфорд. Запись начинается с момента прибытия двух пожарных машин на пригородную улицу. Дома на улице большие. Темно. Сирены, проблесковые огни.

¹ Или ПСС.

ОФИЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ ШТАБА ВСЕМ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМ:

Происшествие может быть связано с пострадавшими людьми. В звонке на номер 999² сообщалось, что в здании могут находиться четыре человека – двое взрослых и двое детей.

Руководитель тушения пожара:

– Принято. Развертываемся на месте. Первый этаж хорошо освещен.

Камера поворачивается вправо, в направлении дома, из верхних правых окон которого валит дым, а на нижних этажах видны языки пламени. На улице стоят полдюжины прохожих и соседей. Слышны крики и звуки сирен. Подъезжают полицейские машины. Пожарные снимают с машин лестницы, разворачивают рукава, надевают дыхательные аппараты.

Руководитель тушения пожара – боевым расчетам:

– Никто из соседей семьи не видел. Нужно, чтобы двое в СИЗОД³ поднялись на второй этаж и осмотрели его.

– Приказ получен. Расчет Альфа-один готовится войти в здание.

Теперь огонь ясно виден сквозь стеклянные панели входной двери. Расчет Альфа-1 с дыхательным оборудованием, ведомый пожарным Флетчером, идет по подъездной доро-

² Телефон службы спасения в Великобритании.

³ Средства индивидуальной защиты органов дыхания.

ге к дому. С левой стороны раздвигают лестницу. Флетчер поднимается по ней с рукавом в руках. Приглушенные звуки голосов и радиопомех. Звуки тяжелого дыхания в дыхательном аппарате. Камера движется по подоконнику и переходит на комнату. Помещение полно плотным дымом. Фонарь на шлеме-каске движется справа налево, освещая полки на стене, комод, стул. Открытого пламени не видно, но ковер дымит. Камера возвращается к окну и захватывает пожарного Эванса, который взбирается по лестнице.

Офицер газодымозащиты⁴:

– Расчет Альфа-один, есть следы пострадавших?

Флетчер, тяжело дыша:

– Ответ отрицательный.

Он движется по направлению к двери и выходит в коридор. Камера дергается из стороны в сторону, в луче фонаря появляются еще три двери и лестница, ведущая на верхний этаж.

Нижняя часть лестницы освещена вспышками пламени на первом этаже; на ступенях клубится дым, поднимающийся до самого потолка. Новые помехи в радиосвязи, звуки воды, льющейся из брандспойтов. Пожарные, находящиеся снаружи, пытаются сбить пламя. Флетчер переходит к соседней, наполовину открытой, двери. Сквозь дым видны одинокая постель и стены, завешанные постерами, посвященными

⁴ Или ОГДЗ. Отвечает за ведение действий по тушению пожара в не пригодной для дыхания среде.

футболу. Простыни отброшены, но жильца не видно. Пожарный обыскивает комнату, заглядывает под кровать.

Офицер газодымозащиты:

– Расчет Альфа-один, для вашей информации: соседи говорят, что в доме находятся мальчик десяти-одиннадцати лет и ребенок ясельного возраста.

Флетчер опять выходит в коридор и идет к следующей двери. Она открыта. Здесь дым еще гуще. Пламя хорошо видно – им охвачены ковер, занавески и детская кроватка. Флетчер бросается к ней. В ней он видит младенца; тот не шевелится. Пожарный быстро возвращается в первую комнату и передает младенца с рук на руки пожарному Эвансу, стоящему на лестнице. В помещение врывается поток воздуха. Загораются части ковра.

Флетчер:

– Альфа-один – ОГДЗ. Найден один пострадавший. Эвакуирован по приставной лестнице. Ребенок. Реакции отсутствуют.

Офицер газодымозащиты:

– *Принято, Альфа-один. Парамедики⁵ уже на месте.*

Флетчер возвращается в коридор в сопровождении пожарного Уайтса. Подходит к лестнице. Пожарные Эванс и Джонс, также проникшие в здание в поисках пострадавших,

⁵ Парамедик – в англоговорящих странах специалист с медицинским образованием, работающий в службах медицинской помощи, аварийно-спасательных и военных подразделениях и обладающий навыками оказания экстренной медицинской помощи на догоспитальном этапе.

подходят к ней с другой стороны.

– Нашли кого-нибудь?

Эванс делает отрицательный жест рукой. В руках у Джонса тепловизор. Он оборачивается и начинает лихорадочно указывать вниз по лестнице.

Джонс:

– Там внизу кто-то есть. У подножия лестницы.

Флетчер:

– Альфа-один – ОГДЗ. Пострадавший обнаружен у основания лестницы. Возможно, еще один ребенок. Спускаемся.

Альфа-1 спускается вниз. Пол в холле горит, пламя быстро распространяется во всех направлениях. Пожарные поднимают пострадавшего и возвращаются на второй этаж, где передают тело расчету Альфа-2, который несет его к наружной лестнице. Неожиданно раздаются звуки взрывов и ломающихся перекрытий – огонь прорывается на верхние этажи. Крики и сигналы тревоги в эфире. Теперь пламя видно на пороге спальни.

Уэйтс:

– Твою мать!.. Обратная тяга! Обратная тяга!⁶

Руководитель тушения пожара:

– Всем покинуть помещение. Повторяю – всем покинуть

⁶ Обратная тяга – явление, которое может иметь место при пожаре в замкнутых помещениях в условиях, когда огонь, испытывая недостаток кислорода, замирает. При доступе свежего воздуха – например, при открытии двери в помещение – происходит молниеносное взрывообразное раздувание огня с выбросом раскаленных газов.

помещение!

Флетчер (задыхаясь):

– Там могли остаться люди. Я возвращаюсь...

Руководитель тушения пожара:

– Запрещаю, повторяю – запрещаю. Серьезная опасность для жизни. Убирайтесь оттуда к такой-то матери! Повторяю – убирайтесь немедленно! Альфа-один, как поняли?

Звуки новых взрывов. Радио замолкает.

* * *

Я, черт побери, ненавижу Рождество. Наверное, когда-то, будучи еще ребенком, я его любил, но вот не помню этого. А как только стал достаточно взрослым, то предпочитал в это время уходить из дома. Мне некуда было идти, но даже хождение кругами по соседним улицам казалось мне лучшей долей, чем сидеть в гостиной и таращиться друг на друга или подвергать себя утонченной пытке очередным рождественским выпуском «Дуракам вест»⁷. И чем старше я становился, тем больше ненавидел Рождество. Все эти распродажи праздничного барахла со скидками, которые начинались в октябре и продолжались бог знает сколько времени после Нового года... Люди говорили, что все изменится, когда у тебя появятся дети. Что Рождество с собственным

⁷ Британский ситком, придуманный и снятый Дж. Салливаном; шел на канале BBC One с 1981 по 1991 г.

ребенком – это волшебное время. И это действительно так и было. То есть пока у нас был Джейк⁸. Помню, как он делал фантастические елочные украшения – оленей, снеговиков и белых медведей, – тщательно вырезая из бумаги их замысловатые силуэты. И у нас были и остролист⁹, и апельсины в вязаных чулках, и крохотные белые огоньки, развешанные по саду. Однажды на улице шел сильный снег, и Джейк сидел около окна своей спальни, полностью околдованный видом громадных снежинок, медленно кружащихся в воздухе – слишком невесомых, чтобы опуститься на землю. Так что – да, это было волшебное время. Но что происходит после того, как вы теряете ребенка, который делал это время волшебным, – что тогда? Об этом вам никто никогда не расскажет. Люди просто не знают, что делать с Рождеством, которое наступает ПОСЛЕ ЭТОГО. Или со следующим, и со следующим...

Но, конечно, всегда существует работа. По крайней мере, в моем случае.

Хотя для офицера полиции Рождество – дерьмовое время. Время, когда случаются практически все преступления, которые могут прийти в голову. Кражи, домашнее насилие, беспорядки в общественных местах... И при этом ничего вы-

⁸ Подробнее о судьбе сына детектива-инспектора Фаули, Джейка, можно узнать из книги «Самый близкий враг».

⁹ Традиция вешать венки из падуба (остролиста) на Рождество связана с терновым венком на голове Христа.

дающегося, а вот бумажная волокита остается все той же. Люди слишком много пьют, не знают, что делать со свободным временем, и через двадцать четыре часа близкого общения с теми, кого они, по их мнению, любят, вдруг выясняется, что все как раз наоборот. Кроме того, в это время все хотят получить краткосрочный отпуск, поэтому у нас вечно не хватает людей. Это я таким сложным способом пытаюсь объяснить причину, по которой стою в жутко холодной кухне в 5.35 утра уже на излете этих дурацких праздников, таращусь в темноту и слушаю новости по «Радио 4», дожидаясь, пока закипит чайник. Раковина полна грязных тарелок, потому что мне недосуг освободить посудомоечную машину, мусорные баки переполнены, потому что я не успел поменять их в день сбора мусора, так что остатки еды разбросаны вдоль дорожки – не исключено, что это сделала соседняя кошка, но скорее лисица, которую я пару раз с утра пораньше замечал в нашем саду. А если вам интересно, что я делаю на кухне в это безотрадное время, – что ж, сейчас вы все узнаете.

По радио начинают передавать «Молитву дня¹⁰», и я его выключаю. В Бога я не верю. И, уж конечно, не в такое раннее утро. Беру мобильный и, поколебавшись несколько мгновений, набираю номер. Да, я знаю, что время дурацкое, но не думаю, что разбужу ее. Она отключает на ночь телефон. Как и все нормальные люди.

Слышу ожидаемые четыре гудка, щелчок и не совсем че-

¹⁰ Ежедневная религиозная утренняя программа по «Радио 4».

ловеческий женский голос, который сообщает мне, что абонент, которому я звоню, находится вне зоны доступа. Потом раздаётся сигнал.

– Алекс, это я. Ничего не случилось. Просто хотел убедиться, что с тобой всё в порядке. А ты знаешь, это помогает. Я имею в виду, когда у тебя появляется время на размышления. Как ты и говорила.

Почему, когда мы говорим с автоответчиками, даже те, кого считают умными людьми, начинают блеять, как овцы? На рабочей поверхности стола видно липкое коричневое пятно, которого вчера еще, по-моему, не было. Я начинаю отскребать его ногтем большого пальца.

– Передавай привет сестре. – И после паузы: – Ну, вроде всё. Послушай, позвони мне, ладно? – Я прислушиваюсь к тишине. Знаю, что это невозможно, но надеюсь, что она тоже меня слушает. И что вот-вот снимет трубку. – Я по тебе соскучился.

«Я тебя люблю».

Я должен был сказать именно это, но не сказал. Стараюсь не вспоминать, сколько прошло времени с нашего последнего разговора? Неделя? Больше. Кажется, мы говорили сразу после Дня подарков¹¹. Я все надеялся, что в новом году все изменится. Что мы сможем оставить всё позади – как будто обязательная смена в нумерации дней может хоть как-то по-

¹¹ Праздник, отмечаемый в Великобритании и в ряде стран Британского содружества наций ежегодно 26 декабря.

влиять на то, как она себя ощущает. Как я себя ощущаю.

Чайник наконец закипает, и я начинаю шарить в шкафу в поисках кофе. Осталась только банка дешевого растворимого, который Алекс держит для рабочих и водопроводчиков. А весь этот выпендрёжный, в зернах, уже давно закончился. Хотя, с другой стороны, дешевый растворимый – это по-своему круто.

Не успеваю я налить воду в кружку, как звонит телефон.

– Алекс?

– Нет, босс. Это я, Гислингхэм.

Чувствую, что краснею. Неужели он услышал в моем голосе то отчаяние, которое услышал я сам?

– В чем дело, Гис?

– Простите, что так рано, босс. Я на Саути-роуд. Ночью здесь был пожар. Они всё еще пытаются взять пламя под контроль.

– Пострадавшие?

Ответ я знаю еще до того, как задаю вопрос. Иначе Гис не звонил бы мне в 5.45 утра.

Слышу, как он втягивает воздух.

– Пока всего один, босс. Маленький малыш. Есть еще мальчик постарше, но они смогли вовремя добраться до него. Он жив – правда, еле-еле. Его отвезли в Джон Рэд.

– А родителей не нашли?

– Пока нет.

– Твою мать!..

– Знаю. Мы пытаемся скрыть это от прессы, но тут лишь вопрос времени... Жаль вытаскивать вас из постели и все такое, но, мне кажется, вам следует приехать.

– Я все равно не спал. Сейчас подъеду.

* * *

На Саути-роуд Гислингхэм убирает телефон в карман. Он не был уверен до последнего, звонить или не звонить. Фаули в последние дни совсем не в форме, хотя Гис никогда не произнесет этого вслух, и даже сама мысль об этом заставляет его почувствовать себя виноватым. И дело не во вспыльчивости шефа, хотя и в этом тоже. Он какой-то отстраненный. Озабоченный. Не пришел на рождественскую вечеринку... но это не обязательно о чем-то говорит. А с другой стороны, по участку циркулируют упорные слухи о том, что от него ушла жена, и, судя по тому, как отглажены его сорочки, это вполне возможно. У самого Гислингхэма сорочки тоже отглажены не ахти, но это все потому, что он гладит их сам. И так и не научился справляться с воротничками...

Гислингхэм поворачивается и возвращается по грязной подъездной дороге к дому. Пламя уже сбито, но пожарные в СИЗОД продолжают направлять струи воды в окна, отчего в темное небо вырываются громадные клубы дыма. Воздух полон сажи и запаха горящего пластика.

К нему, хрустя сапогами по гальке, подходит руководи-

тель тушения пожара.

– Не для протокола – это почти точно поджог. Но понадобится какое-то время, прежде чем следственная группа сможет войти внутрь. Похоже, что полыхнуло в гостиной, но потолок там весь обвалился, так что на меня прошу не ссылаться.

– То есть там могут быть еще трупы?

– Возможно. Но в том месте рухнули три этажа обломков. Одному богу известно, сколько времени потребуется, чтобы разобрать их. – Пожарный снимает шлем и вытирает лоб тыльной стороной руки. – О мальчике ничего не слышать?

– Пока ничего. Один из моих коллег поехал с ним на «Скорой». Скажу, если будут новости.

Пожарный морщится. Слишком давно он тушит пожары и все понимает. Делает глоток воды.

– А Куинн что, празднует?

– Это мое дело. – Гислингхэм качает головой. – Я исполняю обязанности детектива-сержанта.

– Я уже слышал, что Куинн влип в какое-то дерьмо. – Пожарный приподнимает одну бровь. – Хотя не предполагал, что все так серьезно...

– А вот это не мое дело. – Гислингхэм пожимает плечами.

Несколько мгновений пожарный смотрит на него поблескивающими ярко-синими глазами.

– Надо время, чтобы привыкнуть к этому, правда? – говорит он наконец. – Я про «быть за старшего». – Отбрасывает

бутылку в сторону и идет к пожарной машине, похлопав на ходу Гислингхэма по руке. – Не тушуйся, приятель. В жизни надо уметь использовать свой шанс. За тебя это никто не сделает.

В общих чертах это то же самое, что сказала Гислингхэму его жена. Это – и то, что Гарет Куинн сам влип в эту историю, а им лишние деньги не помешают, особенно теперь, когда Билли так быстро растет, и вообще, разве они должны что-то Куинну? Гису хватило ума отнестись к этому вопросу как к чисто риторическому.

Детектив осматривается кругом и направляется в сторону постового, стоящего за полицейской лентой. На улице собралось зеваки, но, принимая во внимание раннее время и холод, их не так много. Хотя Гислингхэм замечает среди них журналиста из «Оксфорд мейл», который вот уже десять минут тщетно пытается привлечь к себе его внимание.

– Вы уже начали подомовой обход? – обращается Гислингхэм к констеблю.

– Только что, сержант. Пока смогли найти троих. Немного, но...

– Да, я знаю. Все разъехались на праздники.

Подъезжает машина, и из нее кто-то вылезает. Вылезает резко, с важным видом, демонстрируя свое удостоверение. И не только удостоверение – Гислингхэм глубоко вздыхает, – машину тоже.

Сайт газеты «Оксфорд мейл»

Четверг, 4 января 2018 г. Последнее обновление в 08:18

Несчастный случай с летальным исходом при пожаре в доме в Оксфорде

Мальчик трех лет погиб в пламени, охватившем ранним утром дом на семь спален в эдвардианском стиле на Саути-роуд. Причина пожара до сих пор не выяснена, но оксфордширская пожарно-спасательная служба работает в тесном контакте с группой полицейских экспертов, для того чтобы ее обнаружить. Вторая жертва, в которой соседи опознали старшего брата малыша, была доставлена в больницу Джона Рэдклиффа. Сообщается, что он пострадал от вдыхания продуктов горения.

Вызов в экстренные службы поступил в 0:40 утра, после того как сосед увидел языки пламени в окне первого этажа. Патрик Мортон, управляющий пожарным участком на Рили-роуд, сообщил, что к моменту прибытия пожарных пламя успело распространиться по всему дому и им потребовалось больше четырех часов, чтобы взять его под контроль. По его словам, сейчас еще слишком рано говорить о том, что свою лепту в пожар внесли легко воспламеняющиеся рождественские

украшения. Однако он добавил, что: «Сейчас как раз удобный случай напомнить всем о необходимости соблюдать меры предосторожности при использовании свечей и украшений, сделанных из таких легко воспламеняющихся материалов, как мишура, и хотя бы раз в неделю проверять систему оповещения о возгорании». Управление полиции долины Темзы¹ отказалось отвечать на вопрос, находились ли дети одни в доме.

15-летний подросток арестован после резни в Блэкберд-Лэйс

Полиция допрашивает тинейджера после того, как шестнадцатилетний Дэмиен Перри получил смертельное ножевое ранение в канун Нового года.../читать дальше

Транспортный коллапс ожидается из-за сильных снегопадов на следующей неделе

Бюро погоды объявило желтый уровень погодной опасности из-за ледяных ветров, которые придут к нам на следующей неделе из Сибири.../читать дальше

Городской совет объявляет о новых мерах по борьбе с загрязнением воздуха в Оксфорде.

Городской совет Оксфорда собирается ввести новаторскую схему уменьшения выбросов дизельных двигателей в жилых районах.../читать дальше

«Оксфорд юнайтед» обыграли «МК Донз» со

счетом 3:1

Томас, ван Кассель и Обика отметились голами в домашней игре... /читать дальше

65 комментариев

Janeelliottcornwallis

Я что-то пропустила, или никого из родителей не было дома? Они что, оставили детей одних – в таком-то возрасте? У меня слов нет, если это так.

111chris_the_bliss

Возможно, пьют где-то. Есть такие типы – на уме только выпивка, танцы и я сам, любимый...

ernest_payne_gardener22

Я проходил мимо дома с час назад. Одна сторона полностью обрушилась. Там вполне могут быть еще трупы. Вы что, не можете подождать, пока полиция закончит свою работу?

Josephyosef88188

Хотелось бы, чтобы побольше людей обратило внимание на опасность рождественских украшений. Я 30 лет проработал пожарным и повидал действительно кошмарные вещи.

Только включив левый поворотник на Банбери-роуд, я вспомнил, где точно находится Саути-роуд. В трех поворотах на север от Фрэмpton-роуд. А Фрэмpton-роуд – это Уильям Харпер и та, кого мы обнаружили запертой в его подвале¹². В газетах его называли Оксфордским Фритцлем¹³ – по крайней мере, в самом начале. Произошло все это восемь месяцев назад, но в суде я был еще в декабре, а его дело все еще лежит у меня на столе, ожидая, когда я спишу его в архив. Мы все будем его долго помнить. И в первую очередь Гарет Куинн. Который тогда был детективом-сержантом, а сейчас стал детективом-констеблем. Кстати, это его новую черную «Ауди» я вижу, как только въезжаю на улицу и выключаю двигатель. Хотя он всегда был щеголеватым мерзавцем во всем, что касается транспорта на колесах. Я, например, ни за что не смогу сказать вам, на какой машине ездит Гислингхэм, хоть и видел ее тысячу раз.

Что же касается места происшествия, то пламя уже полностью под контролем, хотя вокруг все еще царит полный хаос. Две пожарные машины и три полицейские. Вечные лю-

¹² Об этом рассказывается в романе К. Хантер «Скрытые в темноте».

¹³ Йозеф Фритцль (р. 1935) – австриец, арестованный по обвинению в принудительном содержании взаперти своей младшей дочери Элизабет, которую он держал в подземном бункере в подвале собственного дома с 1984 г.

бопытствующие, всюду сующие свой нос. Люди, снимающие все на свои смартфоны. Слава богу, что труповозка припаркована достаточно далеко.

Куинн и Гислингхэм стоят возле дома и поворачиваются ко мне, когда я подхожу. Куинн притоптывает ногами, чтобы согреться, но если не обращать на это внимания, то все в его движениях говорит о том, что жизнь пошла наперекосяк. И это еще мягко сказано. Ведь в сержантах он чувствовал себя как рыба в воде – минимум сомнений, максимум шумихи, – а вот возвращение в констебли дается ему очень непросто. Ну что ж, как говорится, в этой жизни неважно, как ты взлетаешь, – важно, как ты падаешь. Естественно, Куинн пытается делать хорошую мину при плохой игре, но это единственное, что остается для него в такой ситуации. Я вижу, что ему так и хочется влезть в это дело, но Гислингхэм заслужил свой шанс доказать, на что он способен. И я поворачиваюсь к нему – может быть, излишне нарочито:

– Что нового, сержант?

Гислингхэм немного напрягается и достает свою записную книжку, хотя я не могу поверить в то, что она ему нужна. Руки у него чуть заметно дрожат. Мне кажется, что Куинн тоже заметил это.

– Дом принадлежит семье Эсмонд, сэр. Майкл Эсмонд, сорок лет, ученый. Жену зовут Саманта, ей тридцать три, и у них двое детей. Мэтти – десять, Захарии – три.

– И как он – я о старшем мальчике?

– На волосок от смерти. Очень плох.

– А родители так и не появились?

– Хозяйская спальня вон там. – Гислингхэм морщится, указывая на левое крыло дома. – Она не сильно пострадала, но в ней никого не видно. Пожарные говорят, что в кровати никто не спал. Я «погуглил» эту семью и вот что получил...

Он передает мне свой телефон. На экране – страничка с сайта Королевского колледжа Лондона с сообщением о конференции по социальной антропологии, которая проходит в нем именно сейчас. Майкл Эсмонд указан как один из спикеров с докладом: «Смерть от огня и воды: ритуалы жертвоприношений, практикуемые культом вуду в Латинской Америке». Кто-то ведь сказал как-то: «Случай – это псевдоним Бога, когда Он не хочет подписываться своим собственным именем»¹⁴. Что ж, если это так, то должен сказать, что вкус Ему иногда сильно изменяет...

Возвращаю Гислингхэму его телефон.

– Позвони им и убедись, что он там действительно появился. В худшем случае это означает, что у нас будет на один труп меньше.

– То есть применим тактику страуса, да? – подает голос Куинн.

Я бросаю на него взгляд, от которого ухмылка исчезает с его физиономии, и опять поворачиваюсь к Гислингхэму.

– И что ты собираешься делать?

¹⁴ Слова А. Франса.

– Разыщу Майкла и Саманту Эсмонд и выясню, где они находились в момент пожара, – отвечает сержант, моргнув несколько раз. – Продолжу начатый подомовой обход, на случай если соседи что-то заметили. Переговорю с Бодди по поводу вскрытия. Разыщу и проинформирую родственников. Свяжусь с экспертами из пожарной охраны. – Он указывает на подъездную дорогу. – И, естественно, постараюсь найти машину.

– Какую машину? – Куинн поворачивается к нему.

– На гальке множество следов от протектора. – Гислингхэм удивленно поднимает брови. – Это же ясно, как божий день. У Эсмондов точно была машина. И где она? Ни один человек в здравом уме не поедет сейчас в Лондон своим ходом; значит, как мне кажется, найдя машину, мы найдем же-ну.

Можно не сомневаться, кто только что заработал дополнительные очки.

– Отлично, сержант. – Я киваю. – Держите меня в курсе.

И поворачиваюсь к Куинну, который подошел на ярд ближе к дому, посчитав, видимо, что если не можешь победить, то лучше отойти в сторону.

Дом вовсе не в моем вкусе, хотя для тех, кому такие нравятся, он мог бы стать желанным приобретением. Раньше. Сейчас же по его фасаду текут потоки грязной воды, а в окнах первого этажа отсутствуют все стекла. Дом с двумя входами отодвинут вглубь участка; от его правой части мало

что осталось. Фронтон все еще держится – правда, на честном слове, – а за ним нет ничего, кроме потемневших стен, груд кирпича, обломков дерева и осколков стекла. Стены оставшейся части здания, которое до пожара было, скорее всего, белым, покрыты штукатуркой с каменной крошкой и избыточно декорированы деревянными украшениями в стиле Тюдоров. Сейчас все это обуглилось и покрыто слоем сажи. Над одним из окон можно с трудом рассмотреть цифры «1909». А на одном из оставшихся в раме осколков стекла приклеен стикер футбольного клуба «Арсенал».

– И какие мысли? – задаю я вопрос Куинну.

– Да обычные, босс. – Он слегка вздрагивает от неожиданности. – Как эти ученые могут позволить себе такие большие дома в этом районе? Как думаете: на сколько он потянет? Миллионов пять?

По мне – так больше. В этом районе дома делятся на большие, маленькие, большие маленькие и маленькие большие. Об этом можно сказать, что он большой. *Большой большой.*

– Это могут быть деньги семьи, – говорю я, – хотя проверить стоит.

– Почему бы тебе не заняться этим, Куинн? – говорит Гислингхэм.

– О'кей. – Тот пожимает плечами.

Уже уходя, я слышу, как Гислингхэм негромко произносит: «Вот и хорошо, сержант».

В 7:05 утра детектив-констебль Эрика Сомер стоит перед открытым шкафом и пытается выбрать, что ей надеть. В криминальном отделе она работает всего три месяца, и выбор правильной одежды становится для нее с каждым днем все более мучительным. Она никогда не любила форму, но в ней есть определенные преимущества. Одно из самых очевидных – единообразие. Но сейчас Эрика выбирает «обычную одежду», и здесь главное, чтобы эта одежда не оказалась действительно обычной. В сотый раз, глядя на вешалки, Эрика задается вопросом, как можно быть одетой строго и в то же время не старомодно? Профессионально, но доступно? Это какой-то кошмар... Она тяжело вздыхает. И в этом, как и во многом другом, мужчинам повезло. Костюм из «Маркс и Спенсер»¹⁵ и три галстука на выбор – Бакстер живое тому свидетельство. Верити Эверетт нашла свой собственный стиль – белый верх и черный низ, – которому редко изменяет. Темно-синяя юбка в первый день, черная во второй, серая в третий и опять темно-синяя. Обувь без каблучков и кардиган зимой. Но в таком случае легче надевать форму и не морочиться. А прическа? «Конский хвост» – не слишком фривольно? А пучок не слишком напоминает школу, мэм?

¹⁵ Самый крупный британский производитель одежды и 43-й в списке крупнейших мировых ритейлеров.

Эрика только что достала из шкафа черный брючный костюм (третий раз за последние пять дней – если не поостережся, то он превратится в униформу), когда зазвонил ее мобильный. Гислингхэм. Он хороший. Не такой наглый, как Куинн, и не такой умный, как Фаули, но умеющий добиваться своего. Методичный. Старательный. И порядочный. Прежде всего порядочный. Ей действительно хочется, чтобы Гислингхэм первым стал сержантом – он это заслужил.

– Чем я могу помочь, сержант?

– Я на Саути-роуд. – Должно быть, на улице сильный ветер, голос едва слышно сквозь его порывы. – Здесь был пожар. Один погибший и один мальчик в палате интенсивной терапии в больнице Джона Рэда.

– Поджог? – Эрика садится на кровать.

– Точно неизвестно, но очень похоже.

– Я могу чем-то помочь?

– С этим Рождеством у нас действительно не хватает людей. Бакстер занят подомовым обходом, но, помимо него, у нас всего трое патрульных.

Сомер знает, что такое подомовой обход и какая это гадость. Особенно в такую погоду. Она лишь молча молит Бога, чтобы Гислингхэм не попросил ее заняться именно этим. И, наверное, он что-то уловил в ее молчании, потому что быстро добавляет:

– Но я звоню не поэтому. Сейчас я застрял на месте происшествия, а Эверетт появится только во второй половине

дня. Ты не возьмешь на себя вскрытие?

«А почему не Куинн?» – задает себе вопрос Эрика. Но ничего не говорит. У нее свои дела с Куинном – опрометчивая, но, к счастью, короткая связь, о которой, как она подзревает, знают слишком многие. И Фаули – уж точно.

– Конечно. Нет проблем.

– А ты раньше сталкивалась с обгоревшими?

– Да нет, не приходилось, – отвечает Сомер, немного колебавшись. Если по-честному, то она была всего на одном вскрытии. Противная, но достаточно нудная процедура.

– Всегда что-то происходит впервые, – говорит Гислингхэм. – Все будет в порядке. – Он делает паузу, потом заканчивает: – Захвати с собой мятные таблетки.

* * *

Запись беседы с Беверли Дрейпер по адресу:

Саути-роуд, 21, Оксфорд, 08:45

Беседу провел детектив-констебль А. Бакстер.

А.Б.: Как я понимаю, это вы позвонили в «три девятки», миссис Дрейпер?

Б.Д.: Да, я. Меня разбудил сын – у него был ночной кошмар. Окна его спальни смотрят как раз в ту сторону. Я услышала шум – вроде как звон бьющегося стекла. Подумала, вдруг это грабитель, и отдернула штору. И сразу же увиде-

ла пламя. Помню, еще подумала, что горит, должно быть, уже давно, так огонь разбушевался. Но там очень много деревьев – дом совсем не виден с дороги. Так что пожар никто не заметил.

А.Б.: И в ноль ноль сорок семь вы позвонили в экстренные службы?

Б.Д.: Именно так.

А.Б.: Вы никого не заметили возле дома? Может быть, кто-то убегал?

Б.Д.: Нет. Как уже сказала, я спала, пока меня не разбудил Дилан. А вы не знаете, как они? Я имею в виду семью.

А.Б.: В настоящий момент я не имею права разглашать какую бы то ни было информацию.

Б.Д.: Я видела, как Мэтти увезла «Скорая», но в Интернете пишут, что Майкл и Саманта исчезли. Этого же не может быть? То есть я хочу сказать...

А.Б.: Как я уже сказал, в свое время будет сделано официальное сообщение. Расскажите, что вы знаете об этой семье. В Рождество и Новый год они были здесь, не так ли? Не уехали к родственникам? Не катались на лыжах?

Б.Д.: Мне кажется, они не катаются на лыжах. Да, они все время были дома. В школе накануне сочельника устраивали рождественские песнопения, и все мы там были.

А.Б.: И что, к ним никто не приезжал? Вы не знаете, кто еще мог быть в доме вчера вечером?

Б.Д.: Ну, я не уверена...

А.Б.: Нам необходима ясность, кто еще мог там быть. Члены семьи? Друзья? Подумайте.

Б.Д. (после паузы): Честно говоря, насколько я понимаю, они были людьми не слишком компанейскими. Когда мы сюда переехали, то пригласили их, как это обычно делается, а Саманта тогда сказала, что предложит мне на выбор несколько дней, когда они свободны, но дальше этого дело так и не пошло. Летом прошлого года у нас была вечеринка в саду, и они пришли, но мне кажется, что это была только дань вежливости. Они тогда быстро ушли.

А.Б.: А как насчет их родственников?

Б.Д.: Отец Майкла умер – это я знаю точно. Мне кажется, что его мать в одном из домов для престарелых. По-моему, где-то недалеко от Вантеджа. Никогда не слышала, чтобы Саманта упоминала о своей семье.

А.Б.: Как мы понимаем, в семье была машина, но возле дома ее не оказалось.

Б.Д.: Машина у них точно была. «Вольво» – универсал. Довольно старая. Белая. Не знаю, почему ее нет на подъездной дороге, – обычно она стоит именно там.

А.Б.: А вы не знаете, куда могла бы поехать Саманта?

Б.Д.: Так, значит, она действительно пропала...

А.Б.: Я уже говорил вам, что мы официально не комментируем...

Б.Д.: *Не волнуйтесь. Я все поняла. Но – нет, ни малейшего представления.*

А.Б.: И вы не можете назвать никого, с кем нам надо было бы связаться?

Б.Д.: Простите, но у нас были не те отношения.

* * *

В морге даже холоднее, чем на улице. Под халатом на Сомер надето два свитера – дополнительный посоветовала Эверетт («Когда у тебя застучат от холода зубы – а так и будет, – ты уже не остановишься»). Тело лежит на металлическом поддоне. Крохотный мальчуган. Захария. Хотя Эрика сразу же поняла, что знание его имени лишь ухудшает ситуацию. На коже все еще видны остатки голубого одеяла, но под ними тело жутко обезображено. Мертвенно-бледная поверхность тела разукрашена пятнами желтого и пузырями красного цвета; висят полоски комковатой, покрытой копотью сгоревшей кожи. Голова ребенка повернута в сторону, мягкие детские локоны сгорели, губы сморщились и стали словно восковыми. Эрика глубоко вздыхает, и этот вздох слишком напоминает всхлип. Один из ассистентов поднимает на нее глаза:

– Знаю. А когда это ребенок, то вдвойне дерьмово.

Сомер кивает, не решаясь заговорить. Прямо сейчас она может думать лишь о запахе. Все эти сверхреалистичные постановки вскрытия Эрика уже видела по телевизору; единственное, к чему она не была готова, так это к вони. Даже

сквозь маску тело воняет, как сгоревший боров. Про себя она благодарит Гислингхэма за то, что посоветовал захватить с собой мятные таблетки, и, сглотнув, пытается взять себя в руки.

– Перво-наперво, – рассказывает Бодди, – нам будет необходимо установить, был ли погибший жив в момент начала пожара. Никаких внешних повреждений я не вижу, поэтому придется исследовать трахею и легкие на предмет вдыхания продуктов горения. – С этими словами он берет в руку скальпель и смотрит на Сомер. – Ну что, приступим?

* * *

Гислингхэм все еще находится на Саути-роуд. Низкое зимнее солнце освещает руины дома розоватым светом. Воздух морозный, но, несмотря на это, толпа зевак становится все больше. Сейчас их около двадцати человек – все в шарфах, перчатках и теплых пальто; их дыхание висит над ними клубами. Но они, скорее всего, долго не протянут – теперь смотреть уже практически не на что. Одна из пожарных машин уехала, а оставшиеся пожарные проливают последние остатки дома и грузят оборудование на машину. Однако внутри работа в самом разгаре. Здесь, помимо трех экспертов-криминалистов из команды Алана Чаллоу, присутствуют двое экспертов из пожарного управления – один из них вооружен видеокамерой, второй находится в выгорев-

шей комнате для завтраков вместе с Гислингхэмом и Чаллоу. Тяжелые деревянные стулья и стол еще продолжают дымиться; к потолку взлетают хлопья сажи. Сверху льется вода, и сквозь балки они могут видеть комнату над ними. Она оклеена обоями с Винни Пухом. Там же стоят остатки детской коляски. Гислингхэм старается не смотреть на них.

– Для верности нам придется провести кое-какие исследования, – говорит пожарный, – но, как я и говорил, готов поспорить, что все началось в гостиной. Этим же объясняется поздний звонок в «три девятки» – позади дома нет других строений, а, насколько мы можем судить, соседи, живущие в той стороне, разъехались.

– И вы полагаете, что это точно поджог?

– Судя по скорости распространения огня, – офицер кивает, – использовали какое-то горючее вещество, которому, вне всякого сомнения, помогла гребаная рождественская елка. Она вспыхнула, как салют на Четвертое июля¹⁶. Наверное, к этому времени совершенно высохла – вместо нее вполне можно было положить растопку и вообще не морочиться. Оставалось только ждать, когда раздастся БАБАХ и все здесь взлетит к чертовой матери.

– И сколько это могло занять по времени? – спрашивает Гислингхэм, лихорадочно записывая за пожарным.

– От момента возгорания до того, как все полыхнуло? – Тот выпрямляется. – Минуты три... А может быть, и того

¹⁶ День независимости в США.

меньше. – Пожарный показал на лестницу. – Судя по тому, как она обгорела, могу предположить, что на ней тоже была гирлянда. Из остролиста или чего-то подобного. И он тоже должен был успеть высохнуть, как прошлогодние листья, тут к гадалке не ходи, так что гирлянда превратилась в лучший запал, который только можно себе представить. Не повезло со временем – то есть я хочу сказать, что завтра это все разобрали бы, правда?

Гислингхэм непонимающе посмотрел на него.

– Ах, ну да, конечно. Богоявление...¹⁷ Черт, я совсем забыл.

Его собственный дом все еще похож на витрину универмага – Джанет хотела, чтобы первое Рождество Билли дома было особенным. Придется трудиться всю ночь.

* * *

Верити Эверетт кладет телефон и откидывается на спинку кресла. Она-то рассчитывала появиться в полупустом офисе с неубранными фантиками от рождественских шоколадок... Но только рассчитывала – с этой работой никогда ничего не знаешь заранее. И, честно сказать, после нескольких дней непрерывного общения с папочкой она почувствовала облегчение, вернувшись в офис. У нее не такая большая кварти-

¹⁷ В Англии существует традиция убирать накануне Богоявления все рождественские украшения.

ра, чтобы в ней хватило места для них двоих. Особенно когда он относится к квартире как к номеру в отеле, оставляя пустые кружки там, где сидит, и никогда не убирая кровать (кстати, ее собственную – ей пришлось временно перейти на матрас, что вполне предсказуемо сказалось и на ее спине, и на недовольной кошке). Но завтра папочка отправляется домой, а сегодня она вернулась на свое рабочее место.

Верити осмотрела комнату в надежде увидеть Гислингхэма, но тот, очевидно, все еще не вернулся с Саути-роуд. И хотя она ненавидит действовать через его голову, *это* ждать не может.

Через несколько мгновений Верити уже стучит в дверь кабинета Фаули.

Тот говорит по телефону, но жестом приглашает ее зайти. Она какое-то время стоит в дверях, старательно притворяясь, что не слушает, что он говорит, но, к счастью, разговор вполне рабочий. В любом случае это не его жена. Теперь Фаули, когда говорит с ней, запирает дверь. Верити бросает на начальника косой взгляд. На расстоянии он выглядит вполне нормально, но если ты знаешь его достаточно хорошо, то признаки все равно видны. А она его знает. И достаточно хорошо.

– Что у тебя, Эв? – спрашивает Фаули, кладя трубку.

– Да, сэр. Я пообщалась с организаторами конференции в колледже. Майкл Эсмонд зарегистрировался во вторник, во второй половине дня, и вечером того же дня присутствовал

на обеде. Вчера утром он участвовал в каком-то панельном заседании.

– А после этого?

– Одна из организаторов сказала, что вчера поздно вечером видела его в пабе. Около половины одиннадцатого.

– Значит, он точно в Лондоне.

– Так точно, сэр. Но Эсмонд сам бронировал себе гостиницу, так что в оргкомитете не знают, где он остановился.

– А мобильный?

Эверетт поднимает листок бумаги.

– Мне дали номер, но он сразу же переключается на голосовую почту. Я оставила сообщение, чтобы он перезвонил нам.

– Когда у него назначено выступление? – Надо отдать шефу должное, он всегда идет прямо к цели.

– Завтра, во второй половине дня, сэр. В четыре часа дня.

– Ладно, держи меня в курсе. – Фаули медленно кивает. – И если Эсмонд позвонит, то я хочу знать об этом первым.

* * *

Вскрытие занимает пять часов, и в самом конце Бодди решает, что заслужил нечто большее, чем просто поздний ланч.

– Хотите присоединиться? – предлагает он Сомер, когда они снимают халаты. – Мы будем у Фрэнки – это как раз

через улицу.

После того как патологоанатом уходит, один из его ассистентов поворачивается к Эрике и неловко улыбается:

– Возможно, вы предпочтете пренебречь этим приглашением... У Бодди есть традиция. После вскрытия трупов, стогревших на пожаре, он угощает всех нас ребрышками-барбекю.

– Вы шутите? Даже если это труп ребенка?

– Знаю. Звучит грубовато, правда? Но это его способ снимать стресс.

* * *

Первая встреча следственной группы начинается в три. Сомер только что вернулась из морга. Она все еще немного бледна, и я вижу, как Эверетт задает ей немой вопрос, а Эрика отвечает ей гримасой. Куинн сидит на первом ряду, с планшетом в руках и ручкой за ухом (да, я знаю, что это глупо, но он всегда так сидит). Бакстер кнопками прикрепляет фотографии на доску. Феликс-хаус – каким он был до и каким стал после пожара. Причем первое фото явно позаимствовано из приложения «Гугл. Планета Земля». Фотографии с внутренними разрушениями: столовая, лестница, некоторые из спален – на нескольких из них крестиками отмечены места, где были обнаружены Мэтти и Захария. Фотографии Майкла и Саманты Эсмонд – наверное, с води-

тельских удостоверений, догадываюсь я. Эсмонд выглядит напряженным, внимательным, с темными волосами и бледной кожей. Краски его жены гораздо мягче: бежево-коричневые волосы, розоватые щеки, светлые – возможно, светло-карие – глаза. За ними идут фото детей, вытащенные, судя по их состоянию, из дома. Мэтти в форме «Арсенала» с мечом, зажатым под рукой; большие очки слегка съехали набок. Малыш сидит на коленях у матери – озорная улыбка и копна непослушных темно-рыжих локонов, которые мать не может заставить себя срезать. Отдельно – фото живого рядом с фото мертвого. И уже не первый раз я задумываюсь, как жестоко огонь может изуродовать человеческое тело. Поверьте мне – привыкнуть к этому невозможно, даже если видел это столько раз, сколько видел я. А если привык, то пора менять профессию.

Подходит Гислингхэм.

– Может быть, вы сами хотите начать, сэр? – негромко спрашивает он.

Я мельком отмечаю про себя, что – по крайней мере, на публике – он больше не называет меня «босс». Только «сэр». Что ж, еще один Рубикон среди сотни маленьких Рубиконов, но от этого не менее важный.

– Нет, води ты. А я вмешаюсь, если это будет необходимо, – говорю я и вешаю куртку на спинку стула.

И это тоже Рубикон. На этот раз побольше, потому что команда мгновенно это замечает.

– Есть, сэр. – Гислингхэм кивает, проходит к стене и становится лицом к аудитории. – Ну что ж, давайте начинать.

Все в комнате знают, что это первое серьезное дело Гиса после назначения его исполняющим обязанности детектива-сержанта. Пару лет назад, когда в точно такой же ситуации находился Куинн, все были настроены немного саркастически – никакой вражды не было, но в то же время никто не собирался сразу же бросаться ему на помощь. И все были настроены поиздеваться над ним, как только представится такая возможность (а с Куинном в то время это случилось сплошь и рядом). На этот раз настроение в комнате было другим. Сидящие любили Гислингхэма и хотели, чтобы у него все получилось. И они не позволят ему облажаться – если только это будет зависеть от них.

– О'кей, – Гислингхэм откашливается, – я быстренько обобщу все, что у нас есть по пожару на Саути-роуд, а потом передам слово Полу Ригби. Пол – начальник смены в пожарном депо Рили-роуд, и он назначен расследователем со стороны пожарных.

Он кивает на мужчину, стоящего возле двери. Высокий, лысеющий, чисто выбритый. Я точно уже где-то его видел.

– Итак, – Гислингхэм поворачивается к доске, – вот этот дом, Саути-роуд, двадцать три. В нем проживала семья Эсмонд – Майкл, его жена Саманта и их дети – трехлетний Захария и Мэтти, которому через четыре дня исполнится одиннадцать лет. – Гислингхэм останавливается и набирает по-

больше воздуха в легкие. — Для тех, кто еще не знает: Мэтти находится в детском реанимационном отделении. В клинике нас предупредили, что прогноз не очень хороший, но они сразу же свяжутся с нами в случае каких-то изменений.

Он вновь обращивается к доске и стучит ручкой по фото родителей.

— Мы пока не можем обнаружить ни Майкла, ни Саманту. Предполагается, что Майкл сейчас на конференции в Лондоне...

— Не могу поверить, что он ничего не видел в новостях, — говорит один из детективов-констеблей. — Это показывают по всем чертовым каналам.

— Я тоже не могу поверить, — соглашается Гис, — но до тех пор, пока его не найдут, мы можем лишь строить предположения. То же самое касается и Саманты.

Но констебль еще не закончил:

— И ты действительно думаешь, что они могли оставить детей в таком возрасте одних?

— Я бы не оставил. — Гислингхэм пожимает плечами. — Но сейчас мы не имеем ни малейшего представления о том, что вчера вечером произошло в этом доме. А произойти могло что-то, о чем мы даже и не подозреваем. И по этой причине мы должны разыскать их близких родственников. Как, кстати, с этим дела, Бакстер? — Гис слегка краснеет — впервые он публично демонстрирует свою власть. Но Бакстер принимает это как должное. Как и в большинстве слу- чаев.

– Пока ничего, сержант, – отвечает он. – Саманта была единственным ребенком в семье, так что ни братьев, ни сестер. Родители живут в Камбрии, но мы пока с ними не говорили. Мать Майкла – в доме для престарелых в Вантедже. Если верить директору дома, то у нее Альцгеймер. То есть нам надо будет обязательно посетить ее, но сомневаюсь, чтобы нам это что-то дало.

– Понятно, – говорит Гислингхэм и поворачивается к Сомер. – А как вскрытие малыша – Захарии?

– Только одно. – Эрика поднимает на него глаза. – Бодди удивило то малое количество сажи, которое он обнаружил у него в легких. Но, вероятно, ребенок в столь юном возрасте может задохнуться гораздо быстрее взрослого. Особенно если у него астма или даже такая мелочь, как простуда. На всякий случай Бодди сделает анализ крови.

В комнате наступает тишина. Половина из нас цепляется за тот факт, что все должно было произойти очень быстро; вторая половина знает, что такая боль не может измеряться секундами. И, как бы жестоко это ни звучало, я хочу, чтобы они думали об этом, потому что желаю видеть их злыми, непреклонными, полностью отдающими себя этому расследованию. Я хочу, чтобы вся их энергия была направлена на выяснение истины. На то, чтобы узнать, как могло случиться нечто настолько отвратительное.

– Ну ладно. – Гислингхэм оглядывает аудиторию. – Теперь я передаю слово Полу, а потом мы с вами распределим ра-

боту на ближайшие несколько дней.

Он делает шаг в сторону, а Пол Ригби встает со своего места и быстро проходит к доске. Вне всяких сомнений, он опытный докладчик. И быстро и лаконично рассказывает о том, что они уже знают, что предполагают и какие выводы могут сделать.

– И в заключение, – говорит Ригби, – как я уже говорил сержанту: мы исходим из той предпосылки, что в доме был совершен поджог.

Я вижу, как Куинн дергается при слове «сержант», но тут же притворяется, что его душит кашель. Однако Гислингхэм это тоже замечает.

– И никаких шансов, что это просто несчастный случай? – спрашивает Эверетт, хотя в ее вопросе больше отчаяния, чем надежды. – Выпавшая сигарета, рождественская свечка или что-то в этом роде?..

– Странные вещи иногда случаются, – Ригби кивает, – и, должен сказать, за свою жизнь я повидал их немало. Помню пару лет назад, всего в паре миль от этого дома, парнишка притащил в дом «коктейль Молотова». Он тогда сказал, что «любит фейерверки». Да вы, наверное, помните – об этом писали во всех га-зетах...

Конечно, мы помним. Это был Лео Мэйсон, брат Дейзи Мэйсон¹⁸.

¹⁸ Более подробно об этом можно прочитать в романе К. Хантер «Самый близкий враг».

– Мы работали над этим делом, – негромко произношу я.

– Понятно, – говорит Ригби. – Ну, тогда вы знаете, о чем я. Но здесь совсем другое дело. И это не несчастный случай или простое невезение. Характер разрушений и скорость распространения огня – я готов поспорить на свою ипотеку, что мы найдем под этими руинами какое-то горючее вещество. И в *очень больших количествах*.

Я встаю, прохожу вперед и поворачиваюсь ко всем лицом.

– Может быть, об этом не стоит говорить, но я все-таки скажу. Речь идет о двух преступлениях. Об одном из них мы знаем наверняка; наличие второго можем предполагать до тех пор, пока не исключим такую возможность. Первое преступление – это поджог. Нам необходимо выяснить, кто и почему поджег дом. Второе преступление – убийство. Знал ли поджигатель о том, что в доме находятся люди, и если знал, то что, черт побери, могло заставить его (или ее) спалить дом с двумя спящими в нем детьми?

Я поворачиваюсь к доске и беру в руки маркер.

ПОДЖОГ

УБИЙСТВО

Под этими двумя словами пишу еще одно.

ПОЧЕМУ?

– Одно мне непонятно, – говорит Эверетт после паузы. – Место, где вы его нашли. Я имею в виду старшего мальчика.

– Верное замечание, – соглашается Ригби.

Констебль, сидящий рядом с Эверетт, толкает ее локтем:

– А ты сегодня зажигаешь, Эв.

От этих слов она краснеет и отвечает на его толчок. Неожиданно на лице у него появляется глупое выражение, потому что до него наконец доходит вся неуместность его шуток.

– Я как раз подходил к этому, – продолжает Ригби с каменным лицом. Наверное, он уже сотни раз слышал дурные шуточки о пожарах. – Насколько мы понимаем, пожар начался где-то после полуночи – звонок в «три девятки» поступил в сорок семь минут первого ночи. В это время дети должны находиться в своих кроватях, но старшего мальчика обнаружили возле подножия лестницы.

– И что это может быть? – вступает в разговор Сомер. – Наверное, он проснулся, чтобы попить, или что-нибудь в этом роде...

– Ты глаза-то разуй, – вмешивается в разговор Куинн. Он встает и стучит ручкой по одной из фотографий. И хотя это меня здорово возмущает, я вынужден признать, что он прав: по комнате летают хлопья пепла и сажа, но сквозь них на прикроватной тумбочке можно увидеть графин с водой и поливник. Гарет закатывает глаза, а один из констеблей хихикает.

Сомер краснеет, но не смотрит в сторону Куинна. Она вообще старается не делать этого без крайней необходимости. Оба они стараются создать иллюзию, что между ними ничего не было, хотя все управление знает, что было.

– Как я понимаю, – негромко, но твердо говорит Эрика, – должна быть какая-то причина.

– А поскольку он сейчас в коме, то как, по-твоему, мы можем ее выяснить? Вызвать гребаного экстрасенса? – По тону Куинна всем все понятно. Я вижу, как люди неловко ерзают на своих местах.

– Он мог что-то услышать. – Голос Ригби звучит ровно – по-видимому, он не прочувствовал наши подковерные течения. – Или, может быть...

– А где расположены телефоны? – неожиданно спрашивает Эверетт.

– Один, мобильник на зарядке, мы нашли вот здесь. – Ригби поворачивается к плану дома. – Но он полностью сгорел...

– Мы пытаемся выяснить, кому он принадлежал, – быстро вставляет Гислингхэм.

– ...а стационарный аппарат, по информации «Бритиш телеком», был в доме единственным и находился вот здесь. – Он показывает на плане. – В гостиной.

– Боже, – шепчет Эверетт, – *вот почему* мальчик оказался на лестнице. Должно быть, проснулся, понял, что что-то происходит, и попытался вызвать подмогу. Но было слишком поздно. Выбраться он уже не смог.

У бедняги не было никаких шансов. И я не один, кто так думает.

Опять поворачиваюсь к фотографиям. На фото из детской

видна нетронутая полоса обоев. Всего несколько следов огня между изображениями Тигры, Иа-Иа и Пятачка. Следы удивительно напоминают отпечатки рук. Я слышу, как позади меня комната погружается в тишину. Поворачиваюсь к Ригби.

– Сколько времени понадобится, чтобы официально подтвердить, что это был поджог?

– Несколько дней. – Он пожимает плечами. – Может быть, неделя. Надо разобрать половину дома, а это займет какое-то время.

– Чем нам заняться в первую очередь, сэр? – задает вопрос Гислингхэм.

Я поворачиваюсь к нему.

– Разыщите родителей. Я хочу, чтобы этим занялось максимальное количество людей, включая патрульных, если нам удастся их заполучить. Для начала надо найти машину. Что у нас с распознавателями номерных знаков? Мы уже связывались с Мет¹⁹ по поводу Эсмонда?

Гислингхэм кивает.

– Они проверили списки задержанных и попавших в больницы. Безрезультатно. Без адреса они больше ничего не могут сделать.

– О'кей. Но если мы не найдем Эсмонда до завтрашнего утра, то я хочу, чтобы его кто-то встретил на конференции.

¹⁹ Полиция Метрополии (Лондонская полиция, Мет), основанная в 1829 г., отвечает за правопорядок на территории Большого Лондона, кроме района Сити.

– Этим займется детектив-констебль Асанти, сэр. – Гислингхэм смотрит через всю комнату.

Некто, сидящий на последнем ряду, поднимает глаза, и наши взгляды встречаются. Теперь я вспоминаю, кто такой Тони Асанти. Не так давно окончил учебу и перевелся к нам из Мет. Супер²⁰ сказал, что он неплох, что на общечеловеческом языке значит «мы взяли его не для того, чтобы выполнять обязательства по темнокожим и этническим меньшинствам в наших рядах».

Асанти смотрит мне в глаза с такой уверенностью, какой я никак от него не ожидал. Мне приходится первому отвести взгляд.

– И помните, что главное не найти этих людей, а выяснить, что они из себя представляют. Я хочу знать все, что удастся раскопать об этом семействе. Социальные сети, адреса электронной почты, данные о телефонных переговорах – в общем, все, что возможно. В доме нашли что-нибудь полезное? Компьютеры? Планшеты?

– Пока нет. – Гислингхэм качает головой. – У Эсмонда должен был быть какой-то кабинет, но пожарные его еще не обнаружили. По мне, так он погребен под тонной всяких обломков. Но если что-то найдется, то нам сообщат.

– А пока давайте поговорим со всеми, кто знал эту семью, – я оглядываю сидящих в комнате, – жил рядом с ними или вместе с ними работал. На что они тратили свое время?

²⁰ От «суперинтендант» – звание старшего офицерского состава полиции.

И свои деньги? Откуда они появились здесь, и было ли в их жизни нечто, что могло спровоцировать подобное?

Сотрудники записывают за мной, негромко переговариваясь.

– Вот таким образом. Все понимают свою задачу? Отлично. Детектив-констебль Куинн, на пару слов. У меня в кабинете.

* * *

– Пора завязывать с этим, Куинн. И не надо притворяться, что вы не понимаете, о чем я.

Он смотрит на меня, а потом опускает глаза.

– Детектив-констебль Сомер – хороший офицер и добросовестно выполняет свою работу. Я знаю лишь об одной ее ошибке – о связи с вами, какой бы короткой она ни была. Но Эрика, судя по всему, уже забыла об этом, и я не понимаю, почему бы вам не последовать ее примеру.

Куинн запускает руку в свою шевелюру. Выглядит он ужасно. Уверен, что сорочку носит второй день подряд. И галстук тоже. Хотя кто я такой, чтобы его осуждать... Мы с ним одного поля ягоды.

– Садитесь. Давайте поговорим.

Кажется, Куинн колеблется, но потом выдвигает стул.

– Я понимаю, что после понижения в звании вы в полном дерьме, но винить в этом вы должны только себя. Вся эта

история – интимная связь с подозреваемой...

– Я никогда с ней не спал – сколько раз еще я должен это повторять!

Но он понимает, что зашел слишком далеко. Криком делу не поможешь. Да и в любом случае, это классический вариант Билла Клинтона²¹. И мы оба это знаем.

– Простите, сэр, – говорит Куинн.

– Вам ведь предложили перевод, но вы сами от него отказались.

Хотя в этом я на его стороне. Начинать все где-то с нуля – не просто. У него квартира, ипотека, жизнь... Но если ты решил остаться, то пей свою чашу до дна, какой бы горькой она ни была.

– Послушайте, Куинн, вам остается только жить с этим. Сосредоточьтесь на этой гребаной работе. И не пытайтесь оттоптаться на Сомер. С ней это никак не связано. Вам точно не поздоровилось бы, если бы на ее месте оказалась другая женщина. А она просто образец сдержанности.

– Знаю. – Он строит гримасу. – Просто в прошлом году, в это же самое время, я был детективом-сержантом, а она – простой патрульной. А теперь...

А теперь они с ней на одном уровне. И ее карьера абсолютно точно идет вверх. А вот его... я бы так не сказал.

– И все это гребаное управление продолжает об этом го-

²¹ Имеется в виду связь президента США Б. Клинтона со стажеркой Белого дома Моникой Левински, которую президент отрицал даже под присягой.

ворить, – заканчивает Куинн, покусывая губы. Мне кажется, что он вот-вот расплачется.

– Может быть, я сейчас скажу вам то, что сказал бы вам ваш отец, – я подаюсь вперед, – но слухи не прекращаются потому, что вы сами даете для них повод. Вас уже наказали – так прекратите постоянно болтать об этом. Забудьте и двигайтесь дальше. И начните с того, что оставьте Сомер в покое. Договорились?

Он не смотрит на меня. Я опускаю голову и пытаюсь встретиться с ним взглядом.

– Договорились, Куинн?

Он втягивает воздух, задерживает на мгновение дыхание и поднимает глаза.

– Да, босс.

Потом улыбается. Улыбка невеселая, но это хоть какое-то начало.

* * *

Эндрю Бакстер возвращается за свой стол и включает компьютер. Смотрит на часы – до конца рабочего дня осталось не меньше двух часов.

«Ну что ж, – думает он. – Начнем с самого очевидного».

Заходит на «Фейсбук» и начинает поиск Майкла Эсмонда, радуясь, что на этот раз фамилия попалась довольно редкая. Последний раз он искал человека по имени Дэвид Уи-

льямс – их оказались сотни. А вот Эсмондов всего несколько, и менее чем через пять минут Эндрю находит нужного человека. Хотя дает это ему не так уж много. Информация похожа на страницу в «ЛинкдИн», а не на страницу в «Фейсбуке» – хвастливые биографические данные, пара фото, на которых Эсмонд выглядит скованно, и несколько скучных и вполне предсказуемых лайков. В друзьях фигурирует некто Филипп Эсмонд, хотя – и это подтверждает его фамилия – он брат, а не друг. Судя по его собственной страничке, он на год или около того старше Майкла и отличается от него, как небо от земли. Цвет волос у них, правда, одинаков, но Филипп так и брызжет энергией, и в глазах у него виден блеск, который начисто отсутствует у его брата. Друзей у него, судя по всему, раз в пять больше, а жизнь навскидку раза в три веселее, чем у брата. Веселье включает одиночное плавание под парусами до побережья Хорватии. Филипп владеет яхтой «Фридом-2»²² модели «Сан Одиссей 45» производства компании «Жанно». В Сети размещены ее фотографии в момент отплытия – с толпой людей, машущих с пристани вслед Филиппу (хотя, как замечает Бакстер, его брата среди провожающих нет). Вслед за этим идут несколько селфи на борту яхты и кадры зимних закатов на Атлантике, которые говорят о незаурядных способностях Филиппа-фотографа. Последнее фото было помещено несколько дней назад, и под ним имеется информация, что он на какое-то время может

²² Название яхты переводится как «Свобода».

быть вне зоны действия сети, но в случае необходимости для него можно оставить информацию. Нет сомнений, что нынешняя ситуация подпадает под понятие «необходимости».

Бакстер выписывает данные дюжины, или около того, друзей Майкла в «Фейсбуке», обращая внимание на то, что за последние полгода тот разместил на своей странице лишь информацию о книге, которую он пишет, и несколько слов о конференции в Королевском колледже. Для него, по всей видимости, это значимое событие.

Страничка Саманты Эсмонд выглядит гораздо веселее – по крайней мере, на первый взгляд. Прежде всего на ней есть большой фотоальбом: фотографии в саду и на пляже, фотографии кормления уток на канале, похожем на Оксфордский, и в компании с другими женщинами в магазине, расположенном – Бакстер в этом уверен – в Саммертауне. За ними следует целая серия фото, посвященных разного рода школьным спортивным событиям и праздникам, включая фото слегка расплывшегося торта с подписью «Моя попытка № 1» и печальной физиономией-имодзи. Но при ближайшем рассмотрении выясняется, что большинство фотографий были выложены не менее четырех лет назад. После этого идет серия селфи беременной Саманты, на которых ее лицо или размазано, или находится в тени, и завершает которую фото новорожденного младенца в больничной кроватке с подписью «Наконец-то». Ни имени, ни веса, ни пола ребенка. После этого нет практически ничего. Одно или два

сообщения о том, как развивается малыш, почти полное отсутствие фотографий с его первого дня рождения и полная тишина за последние три месяца. Что, судя по тому, что знает Бакстер (правда, знания эти довольно ограничены) о привычках поведения в сетях гордых молодых родителей, сильно удивляет констебля. Страничка Джанет Гислингхэм лопается от информации о Билли – все происходящее с ним должно быть обязательно зафиксировано и запротоколировано. Однажды Куинн саркастически заметил, что Джанет надо просто поместить на своей странице фотографию пукающего младенца и больше этим не заморачиваться – правда, ожидаемого смеха по этому поводу он так и не услышал. Слишком многие помнили, как чуть не случилось такое, после чего Джанет уже никогда не выкладывала бы эти фотографии...

Бакстер откидывается на спинку кресла и медленно выдыхает. Потом наклоняется вперед и начинает просматривать альбом по второму разу. Начинается он с фото Мэтти в возрасте лет трех, и Бакстер, листая фотографии, смотрит, как мальчик растет, превращаясь из неуклюжего ползунка в худенького парнишку в слишком больших очках. Вот маленький Мэтти улыбается в объектив, держа в руках ракушку, цветные камушки, мороженое, улитку; вот он, став постарше, старается спрятаться от камеры, то выходя из фокуса, то отворачиваясь. На одном из фото мальчик прячется в ногах у отца – по крайней мере, можно предположить, что это его

отец, потому что фигура мужчины срезана на уровне груди.

Бакстер хмурится и начинает вновь перелистывать фотографии, впервые заметив, насколько редко ему попадаются фото Майкла Эсмонда. Всего пара штук с отдыха – Майкл играет в крикет на песке и бродит с Мэтти на руках по ярморочной площади. И больше практически ничего. На одной из последних фотографий Мэтти в саду, на заднем плане виден темноволосый мужчина – можно предположить, что это Эсмонд, но он стрижет траву, повернувшись спиной к объективу, и находится очень далеко. Бакстер возвращается к школьным фотографиям – нынешние папы редко пропускают всякие празднования, – но Майкла на них не видит. Только теперь констебль понимает, что школа на фото – это школа Епископа Христофора, а внимательно прищмотревшись, узнает лица, знакомые по делу Дейзи Мэйсон. Директриса, одна или две учительницы, дети, которых они опрашивали, и, наконец – Бакстер даже вздрогнул, – сама Дейзи, прибегающая второй в забеге с яйцами²³, с лицом, искаженным яростной волей к победе. Это 2016 год – последняя четверть, после которой она исчезла, – и, насколько Бакстер может судить, Мэтти Эсмонд учился с ней в одном классе. Конечно, соединять эти два дела глупо – у них нет ничего общего, – но это заставляет Бакстера подумать о том, о

²³ Популярная игра на свежем воздухе, когда участники бегут наперегонки, держа в руках ложки, в которых лежит по яйцу. Цель – не только прибежать первым, но и не разбить яйцо.

чем время от времени думает любой офицер полиции: «Дело закончено. Виновные наказаны. Жизнь возвращается в нормальную колею. А дальше что?» Да и может ли жизнь быть «нормальной» после подобного дела? Девочка исчезла, и ее так и не нашли, а когда соученики пришли в класс на следующий год, ее среди них не оказалось. Все всегда говорят, насколько психика детей стрессоустойчива, но, может быть, это очередная ложь, которую взрослые повторяют для самоуспокоения? Этот паренек, Мэтти Эсмонд, — он выглядит совсем не «стрессоустойчивым». Наоборот, очень хрупким и ранимым. Как он отнесся к пропаже Дейзи? Какова была его реакция, когда он впервые услышал, что с ней случилось в действительности? Как бы родители ни старались защитить своих отпрысков, такие вещи рано или поздно обязательно выходят на поверхность.

Бакстер вздыхает и в который раз думает, как ему повезло, что у него нет детей, а потом делает еще несколько записей в деле. Затем открывает почту и посылает письмо Фаули со списком того, что им будет необходимо и на что он должен получить согласие старшего инспектора. Для начала — вся информация по финансам семьи. Телефоны, адреса электронной почты, медицинские карты, информация о пользовании Интернетом. Он как раз выключает компьютер, когда в облаке холодного воздуха в комнате появляется Эверетт. Она была в Вантедже, где встречалась с матерью Майкла Эсмонда.

– Ну, и как все прошло? – спрашивает Бакстер, поднимая глаза. Одного взгляда на лицо коллеги ему достаточно, чтобы все понять.

– Как бы часто я ни ходила в такие места и какими бы хорошими ни были сотрудники в них, я всегда впадаю в нервное состояние, – говорит Верити, тяжело опускаясь на стул и начиная разматывать шарф. – Я хочу сказать, что директор там – само очарование, и они действительно заботятся о своих пациентах, но со всеми этими креслами-каталками, запахом мочи и телевизором, работающим по шестнадцать часов в сутки... для меня это наглядное воплощение второго круга ада²⁴.

И даже то, что последние две недели перед Рождеством она объездила все дома для престарелых в радиусе десяти миль, не помогло Эверетт. Она пыталась найти что-то, подходящее для папы, хотя он об этом еще ничего не знает. А необходимость в этом ощущается уже какое-то время. Его забывчивость, неожиданная раздражительность, вечная настороженность... И полная потеря чувства времени. Папа просыпается, когда становится светло, а это значит, что он тут же включает телевизор. Так же он поступал все то время, пока жил у нее. Шаркающей походкой проходил в гостиную, не обращая никакого внимания на то, что она все еще пытается поспать. Хотя Верити, по крайней мере, могла ре-

²⁴ Имеется в виду «Божественная комедия» Данте, согласно которой, во втором круге ада томятся сладострастники.

гулировать громкость звука – его соседи по дому о таком и мечтать не могли. Жаловались они два-три раза в неделю, и Эверетт не в чем было их упрекнуть, потому что у них был четырехмесячный младенец. Они, наверное, уже галлюцинировали от недостатка сна. Но ее отец не открывал дверь, когда они в нее звонили, а это значит, что Эверетт приходилось проезжать тридцать миль, чтобы со всем этим разобраться. Чем-то приходится жертвовать. Несколько недель перед Рождеством она обещала себе переговорить с ним во время праздников, когда они будут одни и когда у нее будет больше времени, но вот он уезжает, а она так с ним и не переговорила... Как любой хороший коп, Верити могла с первого взгляда определить труса, а сейчас ей надо было лишь взглянуть в зеркало.

Эверетт поднимает глаза и видит, что Бакстер вопросительно смотрит на нее. Да и пусть, она ведь никому на работе об этом не рассказывает. Хотя скоро придется сказать. По крайней мере, Фаули уж точно.

– Я встретилась с миссис Эсмонд, – говорит Эверетт, – и рассказала ей о пожаре настолько тактично, насколько это было возможно, но мне кажется, что она ничего не поняла. Просто улыбнулась и сказала: «Как мило, дорогая».

– То есть помощи в поисках Эсмонда от нее ждать не стоит?

– Я сказала ей, что он пропал, – Верити качает головой, – но это ее не сильно расстроило. Она просто взмахнула рукой

и сказала, что он «опять спрятался в эту свою лачугу».

– Что она имела в виду? – хмурится Бакстер. – Может быть, скаутский шалаш? Или ниссеновский барак?²⁵

– По мне, так это вполне может быть и гребаная «Пицца Хат»²⁶, – вздыхает Эверетт. – Сотрудники в этом доме тоже ничего не знают. Но они сразу предупредили меня, что толку от нее не будет.

– Жаль.

Что-то в его тоне заставляет ее уточнить:

– А ты... ты что-нибудь нашел?

– Честно говоря, гораздо важнее то, чего я не нашел, – отвечает Бакстер с гримасой.

* * *

Телефонный разговор с Филиппом Эсмондом

4 января 2018 г., 17:46

Разговор провел детектив-констебль Э. Сомер

Э.С.: У аппарата детектив-констебль Сомер.

Ф.Э.: Алло, вы меня слышите? Мне кажется, что на линии какая-то задержка.

²⁵ Сборно-разборный барак полуцилиндрической формы из гофрированного железа; во время Первой мировой войны использовался в качестве временной армейской казармы или хозяйственной постройки.

²⁶ Все эти строения в английском языке называются словом hut.

Э.С.: Я вас слышу. Это вы, мистер Эсмонд?

Ф.Э.: Да, Филипп Эсмонд к вашим услугам. Я получил информацию от службы береговой охраны, что кто-то из полиции долины Темзы хочет со мной поговорить. Что-то с Майклом? Простите за качество звука, но я звоню вам по спутниковому телефону из самого центра Бискайского залива.

Э.С.: Мне жаль сообщать вам об этом, но в доме вашего брата произошел пожар.

Ф.Э.: Пожар? Что значит «пожар»?

Э.С.: Он начался сегодня рано утром.

Ф.Э.: Боже, только не дети...

Э.С.: Мне вправду очень жаль, но Захария, боюсь, погиб.

Ф.Э.: А Мэтти?

Э.С.: Он в реанимации. Делается все возможное...

Ф.Э.: Твою мать! Мне надо возвращаться... (После паузы) Минуточку, а почему мне не позвонил Майкл? Он же не умер? Боже...

Э.С.: Нет, сэр. По крайней мере, насколько нам известно...

Ф.Э.: Насколько вам известно? А это что еще за чертовщина?

Э.С. (после паузы): Боюсь, что ваш брат и ваша невестка пропали без вести.

Ф.Э.: Что значит «пропали без вести»?

Э.С.: Ваш брат должен быть на конференции в Лондоне, но пока нам не удалось выйти на него, а на звонки он не от-

вечает. Надеемся, что он скоро свяжется с нами.

Ф.Э.: Последний раз я говорил с ним на Рождество.

Э.С.: И как он вам показался?

Ф.Э.: Да вроде нормально... Немного напряженный, но в этом нет ничего нового. Мне просто кажется, что на него слишком много чего навалилось.

Э.С.: А когда вы видели его в последний раз?

Ф.Э.: Прошлым летом. Я приезжал на несколько дней. Майкл опять начал курить и пил больше, чем обычно, но ничего, как бы вам сказать, выходящего за рамки... А дети были... (Пауза.) А вы не знаете, он сильно страдал? Я о Захарии.

Э.С.: Мы надеемся, что нет. Больше я ничего не могу сказать.

Ф.Э. (пауза): Черт!

Э.С. (в помещении слышны какие-то приглушенные звуки): Знаете, мистер Эсмонд, мы вот еще о чем хотели вас спросить. Когда мы говорили с вашей матерью, она упомянула какую-то «лачугу». Это было, когда мы сообщили ей, что Майкл пропал. Она сказала, что думает, что он «опять туда отправился». Вам это ни о чем не говорит?

Ф.Э.: Нет, простите.

Э.С.: Но она, случайно, не могла говорить о вашем доме? Мы так и не смогли разыскать ваш нынешний адрес.

Ф.Э.: Последние шесть месяцев я живу у друга. А так – я редко сижу на месте.

Э.С.: А мистер и миссис Эсмонд не могут быть там?

Ф.Э.: Не понимаю, каким образом, – у них нет ни ключей, ничего подобного... Я же сказал, что дом не мой.

Э.С.: А второго дома у них, случайно, нет?

Ф.Э. (сухо смеется): Поверьте мне, констебль, нет. Им и этого-то, на Саути-роуд, хватало выше головы.

* * *

Еще не успев толком войти в квартиру, Эверетт понимает: что-то не так. Ее настораживает какое-то сухое шипение. Она оставляет вещи в прихожей и бросается на кухню. Конфорка включена на полную мощность, а кастрюля на ней пуста. Верити хватает полотенце и сбрасывает кастрюлю в раковину.

– Папа! – кричит она, открывая холодную воду, под которой кастрюля шипит, испуская клубы пара. – Папа!

Ей никто не отвечает, и на мгновение гнев уступает место любопытству – Верити не слышит работающего телевизора. Неужели он куда-то ушел? Хотя она и велела ему сидеть дома... Но потом раздается шум воды в туалете, и отец суетливо заходит на кухню, на ходу поправляя брюки. Возле его ширинки видно небольшое мокрое пятнышко, которое ей очень хотелось бы не замечать.

– Папа, какого черта ты творишь? Нельзя оставлять пустую кастрюлю на газу...

– Она не пустая, Верити. – Отец раздраженно хмурится.

– Нет, пустая – я подросла как раз вовремя...

– Уверю тебя, она не была пустой. Я собирался сварить себе яйцо. Так как никаких других продуктов питания в доме у нас не наблюдается.

– Мне приходится работать допоздна. Я тебе говорила...

– Эту гребаную кошку кормят лучше, чем меня.

Эверетт чувствует, как напрягаются ее челюсти.

– Ты же знаешь, что это неправда. И если кастрюля была действительно полная, то каким образом из нее все выкипело? За пять минут такое невозможно. Где, черт возьми, тебя носило?

Он отворачивается в сторону и начинает ныть о том, что весь день вынужден сидеть взаперти, тогда как каждому человеку положена его порция свежего воздуха.

– Все это очень серьезно, па. – Верити делает шаг в его сторону. – Ты мог все здесь сжечь к чертовой матери.

Услышав это, отец бросает на нее быстрый взгляд.

– Ты устроила эту глупую шумиху по поводу простого вареного яйца. Твоя мать права, Верити: у тебя действительно прискорбная привычка драматизировать происходящее. И появилась она у тебя еще в детстве. Так она сказала позавчера.

Эв отворачивается. На глаза у нее наворачиваются слезы. И не только потому, что она этого не заслужила, но и потому, что ее мама скончалась больше двух лет назад. В голове

звучат слова: «Ты больше не можешь это игнорировать. Поговори с ним. Сядь и поговори. Прямо сейчас». Она глубоко вздыхает и поворачивается к отцу.

– Что ты хочешь к чаю, папа?

* * *

На следующее утро, ровно в 9.15, Гислингхэм и Куинн подъезжают к зданию Института социальной и культурной антропологии на Банбэри-роуд. Городской дом в викторианском стиле – в таких располагается множество небольших факультетов Оксфорда – поднимался вверх на четыре этажа. Построен он был из потемневшего с годами «желтого оксфордского» кирпича и украшен деревянным орнаментом, выкрашенным в темно-красный цвет. Стойка для велосипедов, щебенка с проросшей сквозь нее травой, два мусорных бака промышленных размеров и знак, запрещающий парковку.

– Черт побери, – говорит Куинн, захлопывая дверь машины и оглядывая дом. – Не хотел бы я здесь работать. Похоже на «Дом ужасов» студии «Хаммер»²⁷.

Гислингхэм бросает на него быстрый взгляд. Его так и подмывает заметить, что у Куинна не хватит квалификации, чтобы занять пост преподавателя в университете, но такое

²⁷ Сериал ужасов – истории о вампирах, демонах, призраках и других сверхъестественных явлениях.

добродушное подшучивание было уместно в старые добрые времена. А сейчас Джанет каждое утро напоминает ему, что он должен вести себя как начальник Куинна.

По ступенькам полицейские поднимаются к двери и звонят в звонок, прислушиваясь к эху, раздающемуся где-то внутри. Больше они не слышат ничего. Вновь звонят и вновь ждут, а потом Куинн отходит на несколько шагов и пытается заглянуть сквозь венецианские шторы на втором этаже.

– Ничего не видно, – говорит он наконец. – Велосипедов тоже нет. Как думаешь, здесь вообще кто-то появляется в праздники?

Очевидно, на этот вопрос надо отвечать утвердительно, потому что в этот самый момент дверь открывается и на пороге появляется женщина. У нее тонкие седые волосы, собранные в пучок-ракушку. Одета она в юбку из шотландки и грубый шерстяной свитер.

– Не знаю, кто вы такие, но парковаться здесь запрещено.

Куинн открывает было рот, но Гислингхэм опережает его.

– Мы из полиции, мэм, – говорит он, предъявляя удостоверение. – Я детектив-сержант Крис Гислингхэм, а это детектив-констебль Куинн. Вы позволите нам войти?

Когда они проходят вслед за ней в холл, Куинн бормочет себе под нос, но так, чтобы его услышали заинтересованные люди: «Исполняющий обязанности детектива-сержанта».

Женщина провжает их в заднюю комнату, окна которой выходят в сад, где одновременно располагаются ее кабинет,

приемная и кофеварка. Жестом указывает им на два пластиковых стула и предлагает подождать, пока она разыщет профессора Джордан.

– Я ее сегодня уже видела, но она говорила с Китаем. У нас сотрудничество с Университетом Гуанчжоу.

– Не беспокойтесь, мы подождем, мисс...

– Миссис Битон, – с сарказмом поправляет она. – И не трудитесь шутить на кулинарные темы – все это я уже слышала, и не раз²⁸.

Она резко поворачивается и марширует по холлу в сторону лестницы, а Куинн с ухмылкой смотрит ей вслед.

– Старая перечница, – говорит он. – Напоминает мне мою няню. Та и в девяносто лет никому спуска не давала.

«Так вот откуда у тебя это все», – думает Гислингхэм.

Он слишком возбужден, чтобы присесть, поэтому подходит к стойке с журналами. «Этнолог Америки», «Обзоры визуальной антропологии», «Сравнительное изучение истории и общества», «Журнал антропологии европейских культур». Берет первый попавшийся и просматривает оглавление. Даже названия статей кажутся ему совершенно непостижимыми: что, черт возьми, может означать эта «перформативность»?²⁹»

²⁸ Изабелла Битон – британская домохозяйка, кулинарка и писательница, автор ставшей знаменитой книги по кулинарии и домоводству, впервые опубликованной в 1861 г.

²⁹ Речевые акты, равноценные поступку.

Куинн тем временем рассматривает доску на стене с именами и фотографиями сотрудников факультета. Многие из них приехали из-за рубежа, если судить по их именам. Пара довольно изысканных черно-белых фотографий, а в остальном стандартные снимки, сделанные цифровой камерой. Кроме фотографии Эсмонда – она явно постановочная и сделана профессионалом.

– И что ты думаешь по этому поводу? – спрашивает Куинн, глядя на фото. – По-моему, немного ку-ку. Бакстер тоже так думает, изучив его страницу в «Фейсбуке».

– Честно говоря, по мне, так он выглядит немного неуверенным, – задумчиво говорит Гислингхэм. – Какая-то непонятная защитная реакция...

– Не знаю, – с гримасой заявляет Куинн, – от чего еще нужно «защищаться», когда у тебя такой домина. Он, должно быть, купается в деньгах.

– Кстати, насчет денег... Ты проверил дом? – «Как я тебя просил» остается за скобками.

– Как ни странно, я послал запрос, – отвечает Куинн с чуть заметным сарказмом. – И теперь жду ответа. Но, держу пари, это старые семейные деньги. На свою зарплату он себе такого не мог бы позволить. А откуда еще могли появиться деньги? Казнокрадство я с самого начала исключаю. – Он обводит рукой немного потертое помещение, древнюю батарею отопления, полки из древесноволокнистых плит. – Просто посмотри вокруг.

– И вы правы, офицер. Нарушения в академической сфере редко связаны с денежными вопросами.

Голос раздается от двери. В проеме стоит высокая худая женщина со значительным лицом, одетая в несколько слоев темной одежды. Широкие брюки, туника, мужская сорочка-блузон. На шее у нее висит ожерелье из геометрически правильных кусочков сплава олова со свинцом, которое достаёт ей до пояса.

– Меня зовут Анабелла Джордан. Не хотите ли вы подняться ко мне? Мэри принесет нам кофе. Я бы, например, не отказалась от чашечки.

Ее кабинет расположен на втором этаже, с окнами на улице. Должно быть, когда-то здесь располагалась гостиная с лепными карнизами, камином и металлической решеткой вокруг него. Вдоль стен стоят неряшливые книжные полки, а перед ее столом – два потертых кожаных кресла. На стене висит плакат в рамке с Выставки искусства палеолита, которая проходила в Музее Эшмола³⁰, – вырезанная фигура женщины с выступающими бедрами и грудью, непропорционально маленькой головой и без лица.

– Присаживайтесь, прошу вас. Полагаю, что вы пришли поговорить о Майкле. Какое кошмарное несчастье...

– Вы уже слышали? – спрашивает Гислингхэм, нахмутив-

³⁰ Старейший общедоступный музей в Оксфорде; одно из четырех музейных учреждений, действующих при Оксфордском университете. Изначально – коллекция редкостей, завещанных университету Э. Эшмолом.

шись. Прессе пока не сообщали никаких сведений о пострадавших.

– Я видела новости, сержант, – говорит Джордан, садясь на свое место. – И узнала дом. Вскоре после переезда в него Майкл устроил вечеринку; были все факультетские, аспиранты – всего человек сто... После этого я стала стыдиться своего домика в Саммертауне.

Гислингхэм согласно кивает – без сомнения, это многое объясняет.

– И ваш коллега прав. – Женщина поворачивается в сторону Куинна. – Это были – и есть – семейные деньги. – Она вновь сидит лицом к Гислингхэму и выглядит озабоченной. – А есть какие-то новости о Мэтти?

– Я ничего не слышал. – Сержант качает головой.

– А этот бедный ребенок? Захария. Какая потеря... Какая жуткая, глупая, бессмысленная потеря...

– Как мы понимаем, мистер Эсмонд в настоящее время находится на конференции в Лондоне?

– Да, правильно. – Она откидывается на спинку кресла и складывает перед собой руки.

– А вы не знаете, где он может остановиться в Лондоне? Может быть, у друга? Или в какой-то знакомой гостинице?

– Нет, боюсь, здесь я вам ничем не помогу. – Женщина качает головой. – Скажу больше – я уже довольно давно не видела его.

Она делает попытку встать, но Гислингхэм еще не закон-

чил.

– А что вы можете рассказать нам о нем, профессор Джордан?

Анабелла вновь садится в кресло и слегка хмурится.

– Старательный. Трудолюбивый. – И после паузы добавляет: – Может быть, ему немного не хватает чувства юмора... И мне кажется, что он с трудом заводит друзей.

– То есть среди сотрудников у него их нет?

– Если говорить о «друзьях», то нет. – Она начинает рассеянно поигрывать ожерельем. – Есть люди, с которыми он работал теснее, чем с другими, но я думаю, что здесь лучше подойдет слово «коллеги».

– А над чем конкретно он работал?

– Я не в курсе, что вы знаете об антропологии, офицер... – с сомнением говорит Джордан.

– Считайте, что ничего, – улыбается Куинн.

Женщина поднимает брови.

– А ведь она более значима, чем вы ее себе представляете. Майкл специализировался на обрядах инициации и жертвоприношениях в примитивных и аборигенных группах. Возрастные посвятительные обряды, шаманские камлания и так далее. Весь спектр социальных, культурных, ритуальных и религиозных факторов, которые влияют...

У Куинна уже совершенно остекленевший взгляд.

– ...Он написал очень впечатляющую докторскую диссертацию, и практически сразу же после этого ему предложи-

ли работу в Ливерпуле. Какое-то время казалось, что его карьерный рост никогда не прекратится...

– Но... – подсказал Гислингхэм.

– Простите? – Ее глаза сверкнули.

– Просто я давно этим занимаюсь, – сухо пояснил сер-жант.

Она улыбается, хотя видно, что ей немного не по себе.

– Скажем так – его взлет оказался короче и не таким быстрым, как можно было ожидать. Исследования заглохли, и я знаю, что в последние несколько месяцев он искал новую работу здесь и в других университетах, но его заявления даже не рассматривали. Все это было строго конфиденциально, – быстро добавляет она, – но я, как его бывший научный руководитель, узнала об этом.

– И как он себя ощущал?

– Уверена, что он был разочарован. А кто бы не был на его месте?

Уж что-что, а профессиональный уход от ответа Гислингхэм отличить в состоянии. Так что он меняет тактику.

– А как он вел себя в последнее время?

– Я не уверена, что понимаю вас.

Опять.

«Что ж, – думает он, – ты сама напросилась».

– Какое у него было настроение? Не менялись ли в последнее время его привычки и поведение?

– Майкл всегда очень осторожен... очень продуман. – Она

сначала смотрит на сержанта, а потом отводит взгляд.

– Но?..

– Но в последнее время он вел себя... я бы сказала, «несдержанно». Откровенно высказывался, озвучивая при этом довольно спорные вещи. Вот как-то так...

– И как долго это продолжалось?

– Не знаю. Может быть, месяца три-четыре.

– А был ли кто-то, на кого он особенно злился?

– Нет. То есть я об этом не знаю. Хотя, с другой стороны, ничего существенного не случилось.

Дверь открывается, и появляется миссис Битон с подносом, на котором стоят три кружки, кофейник с кофе и пачка обезжиренного молока. Устанавливает поднос на столе и удаляется, бросив на Джордан многозначительный взгляд. Гислингхэм подозревает, что все это время она подслушивала под дверью. Чайник просто не может закипать так долго.

– А как насчет остального?

– Простите?

Гислингхэм твердо смотрит ей в глаза.

– Вы сказали «ничего существенного». Значит, произошло что-то «несущественное», о чем вы не хотите нам рассказывать. Но поверьте, профессор, все рано или поздно выяснится. И лучше, если вы расскажете нам об этом сами, чем мы выясним это своими методами.

Он слышал, как эту фразу сказал однажды Фаули, и приберег ее для себя на будущее.

Несколько мгновений они смотрят друг на друга, а потом женщина говорит:

– Прежде чем продолжать этот разговор, мне надо проконсультироваться с университетскими юристами. Дело это тонкое, а принимая во внимание то, что произошло...

Она поочередно смотрит на детективов. И видит, что на них ее слова не произвели никакого впечатления.

– Ладно. – Джордан вздыхает. – Строго между нами, я могу сказать, что к нам поступила жалоба от студентки.

– На Майкла Эсмонда?

Анабелла кивает.

«Боже, – думает Гислингхэм, – как будто зуб рвешь».

– Погуливал на стороне? – вмешивается в разговор Куинн, который, кажется, решил, что в понижении в звании есть свои преимущества – и не в последнюю очередь возможность вести себя как придурку, не боясь при этом наказания.

– У меня нет никаких доказательств этого. – Джордан смотрит на него. – Да и женщина, о которой идет речь, не имеет в виду ничего подобного.

– Тогда что же это было? – интересуется Гислингхэм. – Сексистские высказывания? Двусмысленные письма?

– Кажется, на факультетской рождественской вечеринке произошел неприятный инцидент...

– И насколько же он был «неприятным»?

– Не подходящие к случаю комментарии и, очевидно, физический контакт. – Анабелла краснеет. – Все это Майкл

яростно отрицает. К сожалению, свидетелей не было.

– То есть ее слово против его, да? – уточняет Куинн.

– Вот именно. С самого начала было понятно, что придется привлекать юридический отдел.

– Было?

– Простите?

– Вы сказали «было понятно». В прошедшем времени.

Профессор опять краснеет.

– Ну да, дальнейшее развитие событий показало все это в другом свете.

«Ну конечно», – думает Гислингхэм. Внезапно он четко понимает, что звонила Джордан совсем не в Китай.

– И вы посчитали лишним обращаться в полицию? – интересуется он.

– Я же уже сказала, что мы еще не решили, как будем действовать.

Гислингхэм открывает блокнот и записывает несколько слов.

– И когда же вы с ним общались – то есть когда он все отрицал?

– Об обвинениях я рассказала ему в конце семестра, а потом мы встретились во вторник.

Гислингхэм не может больше сдерживаться.

– Во вторник, который был второго января? Во вторник, который был меньше трех дней назад? Но вы же только что сказали, что не общались с ним... – Гислингхэм начинает

листать блокнот, — ... «довольно давно». Я бы не сказал, что три дня — это довольно давно.

Видно, что женщина чувствует себя сконфуженной. И обведенной вокруг пальца.

— Когда я видела его перед Рождеством, он был весь на нервах, так что я предложила ему все обдумать во время каникул и вернуться к этому разговору в начале января. И он явился сюда во вторник с утра пораньше, перед своей поездкой в Лондон. Я надеялась, что нам удастся прийти к взаимоприемлемому соглашению.

И опять Гислингхэм кивает.

— Я понял: вы надеялись, что он уволится, так? Дали ему в руки револьвер с перламутровой рукояткой и стали ждать, когда он сделает правильный шаг?

— Вовсе нет, — пытается сдержаться Джордан. — Вы не правы, офицер. Абсолютно не правы.

Но выражение ее лица говорит совсем о другом.

— И как же прошла ваша встреча?

Заметно, что Джордан не знает, что сказать.

— Скажем так, у нас состоялся откровенный обмен мнениями.

«Судя по ее физиономии, — думает сержант, — она хочет свести все к простому “обмену любезностями”. А эта старая кошелка Битон наверняка слышит каждое слово».

— И на чем же вы остановились?

— Я сказала, что в создавшихся обстоятельствах буду кон-

сультироваться с руководством университета и пусть оно решает, как нам лучше поступить.

– Но ведь он может потерять работу, так ведь? – говорит Куинн. И это не вопрос, а утверждение. – Я хочу сказать, сексуальные домогательства к студентке в наши дни... Со всеми этими Metoo³¹ и так далее... Да они его за яйца подвешат.

Джордан смотрит на него с нескрываемым презрением.

– Теоретически это действительно может привести к увольнению. Да. Но до этого еще не дошло. По крайней мере, на сегодняшний день.

Однако Майкл Эсмонд мог оценивать ситуацию совсем по-другому. Куинн и Гислингхэм обмениваются взглядами.

– А мы можем поговорить с девушкой? – спрашивает Гислингхэм.

– Она не делала заявления в полицию, – хмурится Джордан.

– Это все понятно, профессор. Но вы же понимаете, почему мы хотим с ней поговорить.

– Да. И уверена, что поговорите. Но существуют определенные процедуры – и мне надо получить соответствующее согласие. Я переговорю сначала с юристами, потом – с молодой женщиной, а затем свяжусь с вами, как только буду готова.

³¹ Популярный хештег, мгновенно распространившийся в социальных сетях в октябре 2017 г., подчеркивающий осуждение сексуального насилия и домогательств, получивший распространение в результате скандала и обвинений кинопродюсера Х. Вайнштейна.

А меж тем в Саммертауне Эверетт только что вернулась после того, как отвезла отца в его дом в пригороде Бистера. Почему-то на все, что связано с ним, ей требуется в пять раз больше времени, чем она изначально планирует. Сегодня утром Верити еще раз в этом убедилась. А о доме для престарелых она так с ним и не поговорила. Но разузнала номер местной службы социального обеспечения и теперь обязательно заставит себя позвонить туда до конца дня. Хотя сейчас ей надо кое-что сделать. Она заскакивает в квартиру, чтобы проверить кота (который явно так же рад тому, что все вернулось на круги своя, как и она), а потом выходит из дома и достает фотографию, которую Бакстер нашел на странице Саманты Эсмонд в «Фейсбуке». Он абсолютно уверен, что на снимке один из магазинов Саммертауна, и Верити с ним согласна. Не зря же она живет здесь вот уже два года.

Спустя пять минут Эверетт открывает дверь. Свечи, фарфор, купальные халаты, полотенца. И если здесь есть что-то не белоснежное, то только потому, что оно из стекла. Все кругом настолько утонченное, изысканное и благоухающее, что Верити, стоя посреди этого великолепия, чувствует себя пигмеем. К счастью, ждать ей придется недолго – девушка за прилавком поднимает на нее глаза и улыбается.

– Вас интересует что-то определенное? У нас сейчас рас-

продажа.

Эверетт нервно обходит столик с разноцветными бокалами для шампанского и достает свое удостоверение.

– Детектив-констебль Эверетт, полиция долины Темзы. Могу я поговорить с управляющим?

– А что, что-то случилось? – Видно, что девушка насторожилась.

Эверетт включает улыбку.

– Нет, ничего. Мне просто надо поговорить вот с этой леди с фотографии.

Девушка берет у нее фото и кивает.

– Ну, конечно, это Мел. У нее перерыв. Я сейчас ее позову.

Девушка исчезает в глубине магазина, а Эверетт остается таращиться на бокалы для шампанского. Те, что стоят у нее, подарила ей мама, когда она впервые уезжала из дома. Кажется, что они сошли прямо с рекламы «Бейбишама»³².

– Здравствуйте. Простите, но Дженна не смогла вспомнить вашего имени.

Верити поворачивается. Перед ней действительно женщина с фотографии. Среднего роста, с приятными чертами лица и аккуратно подстриженными темно-каштановыми волосами. В свете безжалостных ламп ее губы кажутся багровыми.

– Констебль Эверетт, – представляется детектив, протя-

³² Марка газированного грушевого сидра.

гивая руку. – Верити.

– Мел Кеннеди. И зачем я вам?

– Эта женщина на фото рядом с вами...

– Сэм? Так вы по поводу Сэм?

– А вы видели пожар в новостях? – спрашивает Эверетт, глубоко вздохнув.

– Нет, только не дети, – женщина бледнеет, – только не говорите, что...

– Мне очень жаль. – Верити смотрит, как Кеннеди на ощупь находит стул и тяжело опускается на него. Руками она зажимает рот. Шок выглядит вполне естественным.

– Успокойтесь. Хотите воды?

– Не могу в это поверить. – Кеннеди трясет головой.

– Когда вы видели миссис Эсмонд в последний раз?

Какое-то время Кеннеди молча смотрит на детек-тива.

– А знаете, я не помню... Может быть, прошлым летом?

– Этой фотографии, мне кажется, несколько лет?

– По крайней мере, три года. – Девушка еще раз смотрит на фото. – Работала она здесь очень недолго. Но у нас были неплохие отношения. Действительно неплохие.

– Нам пока не удалось обнаружить миссис Эсмонд. – Эверетт на шаг приближается к своей собеседнице. – Вы, случайно, не знаете, где она может быть?

– Она была очень закрытым человеком. – Мел качает головой. – И почти ничего не говорила о своей личной жизни.

– У нее не было друзей? К которым она могла бы уехать?

Девушка беспомощно пожимает плечами.

Эверетт набирает побольше воздуха в легкие – вопрос, который она собирается задать, не из простых.

– Зная миссис Эсмонд – Сэм, – как по-вашему, могла ли она оставить детей одних в доме?

Ответ Кеннеди уже готов.

– Сэм никогда так не сделала бы, – говорит она со страстью. – Ни за что!

– А почему она ушла отсюда?

Достав бумажный платок, Кеннеди сморкается.

– Она тогда носила Захарию. И ее муж решил, что для нее это будет слишком тяжело. Ведь у них уже был Мэттью. Но, между нами говоря, мне кажется, что он с самого начала не хотел, чтобы она работала. Вечно нас подкалывал: «И что вообще представляет из себя весь этот потертый шик?» Ну и тому подобное. Мне кажется, он немного высокомерный. И немного сноб.

– А вы часто его видели?

– Нет. Он редко сюда приходил. Как я уже говорила, мне кажется, он не одобрял того, что его жена работает в магазине.

– А на ваш взгляд, они были счастливы? Проблем в семье не было?

– Нет, конечно. Ничего похожего. Он на нее надышаться не мог. Так она всегда говорила.

* * *

21 февраля 2017 года, 07:45 утра

317 дней до пожара

Саути-роуд, 23, Оксфорд

Она просыпается от стука тарелок. Сон был необычно глубоким, и сейчас она выплывает из него, как из полузабытой угрозы, — так чувствует себя человек, вырываясь из затягивающей его глубины. Вторая половина кровати холодная — Майкла нет на месте. И это тоже необычно: он никогда не встает первым. А потом она вспоминает. Сегодня ее день рождения. И именно поэтому снизу слышится весь этот шум. Мальчики готовят ей завтрак в постель. Один и тот же сюрприз повторяется из года в год, но ей всякий раз удается притвориться, что для нее это полная неожиданность. Она садится и с усилием закидывает подушку себе под спину. Несмотря на центральное отопление, в комнате холодно. Она тяжело вздыхает. Единственный способ избежать холода — это содрать со стен всю штукатурку и утеплить их по-новой. Именно это сделали их соседи напротив, прежде чем въехать. Но они в то время снимали где-то жилье, и им не пришлось жить в доме во время ремонта. Она получила предложение от строительной фирмы, но, когда пыталась обсудить его с Майклом, он вечно начинал жаловаться на будущую

грязь.

Теперь на лестнице раздаются звуки шагов, и она слышит, как Захария что-то громко говорит, а Мэтти успокаивает его: «Тише, тише!» Несколько мгновений спустя дверь открывается, и в нее, крича во всю силу своих легких: «С ДНЕМ РОЖДЕНИЯ!», врывается Захария. Он забирается на кровать, набрасывается на нее, а его отец говорит: «Тише, Тигра!» И это тоже повторяется из года в год.

Майкл пристраивается на краю кровати и передает ей поднос. На нем: чай, налитый в одну из веджвудских³³ чашек, которые подарила им его мать, сваренное яйцо (вклад Мэтти) и три куска тоста, щедро намазанные клубничным джемом (это Захария). Здесь же, в маленькой вазе, стоит роза. Майкл поворачивается к старшему сыну, который держится сзади с немного отрешенным лицом.

– Подходи, Мэтти. Хватит тебе там дуться.

Тот поправляет на носу очки – Саманта знает, что они ему велики, но окулист настоял. Сын робко подходит и протягивает ей два свертка.

– Ты же сам упаковывал, да, Мэтти? – говорит Майкл, подталкивая его еще ближе.

Мэтти кладет свертки на кровать и осторожно забирается к матери. Она протягивает руки, прижимает его к себе и целует в голову. Захария начинает ерзать, и чай проливается

³³ Британская фирма по изготовлению в основном фаянсовой посуды, знаменитая торговая марка; основана Дж. Веджвудом в 1759 г.

в блюде.

– Мамочка, ешь же тост!

– Обязательно, моя душистая горошинка, – отвечает мать и замечает тень на лице мужа. – Только позволь, я сначала выпью чай, пока мы не залили всю кровать.

Яйцо сварено почти вкрутую, но она съедает его полностью, а потом с облегчением вздыхает и отдает поднос мужу.

– Отлично, – говорит тот, улыбаясь. – А теперь – подарки!

Мальчики дарят ей те же духи, что и в прошлом году, и она целует их, а потом аккуратно складывает упаковочную бумагу, отрывает поздравления, которые написал сам Мэтти, и кладет все это в свою тумбочку так, чтобы мальчик это видел. Такие вещи очень важны для Мэтти.

Подарок Майкла лежит в маленькой коробочке. Серьги из серебра в форме кисточек. Несколько недель назад она увидела такие на одной актрисе и сказала, что они ей очень нравятся. А он запомнил. Запомнил и потратил бог знает сколько времени, чтобы найти их. Она поднимает глаза и видит, как муж улыбается ей. У него пока нет и намека на седые волосы, и он так же строен, как в тот день, когда они встретились впервые. На той вечеринке в Хэрни. Сэм даже не помнит, в чьем доме это было. Она всего пару месяцев назад окончила школу, а он был уже на полпути к званию доктора философии³⁴. Даже сейчас она иногда не верит, что он дей-

³⁴ Ученая степень, примерно соответствующая степени кандидата наук в РФ; присваивается магистру как гуманитарных, так и естественных наук.

ствительно выбрал ее.

– Они прекрасны, – негромко говорит Саманта.

– Как и ты. – Он тянется и берет ее за руку. – Я подумал, что ты можешь быть в них сегодня в «Джи’з».

– Конечно. – Она улыбается. – Обязательно.

– Ладно, ребята. – Он оборачивается к детям. – Давайте оставим мамочку в покое, ладно? Ей надо отдохнуть.

* * *

В 12:30 профессор Джордан поднимается по ступеням административного здания университета. Здания, которое в этом городе архитектурных чудес ожидаемо должно быть чем-то действительно необычным, но в действительности является обыкновенной бетонной конструкцией, построенной в 70-е; в нем с одинаковым успехом могли бы разместиться и городская средняя школа, и офис городского совета, и Министерство обороны. На втором этаже, в переговорной, ее уже ждут три человека. Ректор колледжа, в котором работает Эсмонд, и Николас Грант из офиса проректора. Третью участницу, хорошо одетую в черный костюм с крупными украшениями из жемчуга молодую женщину, представляют ей как руководителя отдела по связям со средствами массовой информации, Эмили Макферсон. Анабелла никогда не встречала ее раньше и считает это плохим предзнаменованием.

– Итак, – начинает Грант, – спасибо, что нашли возможность так быстро откликнуться на наше приглашение. В создавшейся ситуации все мы должны быть уверены, что ду-дим в одну дуду.

Джордан мысленно ставит галочку в своей карточке подсчета произнесенных Грантом банальностей. Первая же фраза, и он открывает счет – отличная работа, даже для Гранта. Лиха беда начало.

Джордан тяжело кладет свою холщовую сумку на стол и садится напротив Гранта.

– Давайте, – предлагает тот, – вы кратко изложите содержание нашего телефонного разговора, чтобы ввести Эмили в курс дела.

– Конечно, Николас. – Профессор поворачивается к Макферсон. – В конце прошлого семестра Нед Тейт из Магдалины³⁵ пожаловался мне на случай сексуального харрасмента с участием Майкла Эсмонда и Лорен Камински, одной из наших аспиранток. Лорен – девушка Неда. Все это, очевидно, произошло на рождественской факультетской вечеринке. Лорен и Майкл одновременно вышли покурить. Он стал флиртовать с ней, и невинный флирт очень быстро превратился в нечто более серьезное. Так, по крайней мере, рассказывает девушка. По ее словам, в тот момент Майкл был сильно пьян.

– Это кто-то может подтвердить? – задает вопрос Мак-

³⁵ Имеется в виду знаменитый оксфордский колледж Магдалины.

ферсон. – Я имею в виду алкогольную интоксикацию.

– Боюсь, что да, – вздыхает Джордан. – Я сама видела его в тот вечер.

– Но свидетелей самого инцидента нет?

– Нет. Лорен утверждает, что он начал трогать ее за грудь, а она его оттолкнула.

– И это всё? – спрашивает Грант.

– А разве вам этого недостаточно? – отвечает Джордан вопросом на вопрос.

– Что он сказал, когда вы с ним разговаривали? – спрашивает Макферсон. У нее легкий шотландский акцент. И очень приятный голос.

– Он все отрицал. Яростно. Употреблял непечатную лексику. Сказал, что женщина тоже была пьяна, что, кстати, соответствует действительности. Ясно было, что он находится на взводе – не просто зол, а в состоянии, близком к параноидальному. Меня это насторожило. И я предложила ему все еще раз обдумать и встретиться после каникул.

– Лучше было бы, если бы он уволился к чертовой матери и дело закрылось бы само собой, – замечает Грант.

– Для вас – может быть. – Джордан бросает на него быстрый взгляд. – Но вы сами знаете, работа в университете на дороге не валяется. А у него семья. И потом, вдруг он говорит правду? В этом нет ничего невозможного.

– А что говорят в юридическом отделе? – спрашивает Макферсон.

– Я с ними еще не говорила. Как раз собиралась, когда мы все слышали про пожар.

– И все-таки это надо сделать, – говорит Макферсон с дружеской улыбкой. – Если в это дело вцепится пресса, нам надо знать, на чем мы стоим.

– А девочка что-то говорит? – Это Грант.

Джордан сдерживается, чтобы не указать ему на множество нарушений политкорректности, которые включает в себя слово «девочка».

– Не в данный момент. Мне надо будет встретиться с ней после того, как она вернется из Штатов.

– И, как я понимаю, у вас была встреча с полицией? – подает голос ректор колледжа Эсмонда.

– Да, у меня были двое офицеров из криминального отдела. Я рассказала им об этом обвинении и, если вы не возражаете, назову им имя Лорен. Мне кажется, будет сложно отказать им в нынешних условиях.

Ректор согласно кивает.

– Ну, и каков же наш план на игру? – спрашивает Грант.

Джордан ставит еще одну галочку в своей карточке.

– Не думаю, что мы можем выработать правильный курс, – замечает Макферсон, – до тех пор, пока мы а) не будем знать, что произошло с доктором Эсмондом, и б) не будем уверены, что это действительно был поджог. Но если будет точно установлено, что загорелось не случайно...

– И тут мы подходим к главной причине, по которой со-

брались здесь, – прерывает ее Грант. – Полагаю, – тут он поворачивается к Джордан, – вам хватило ума не обсуждать с полицией это второе дело?

– Конечно, да, – огрызается профессор. – За кого вы меня принимаете?

– А с ним вы говорили?

– Он в панике позвонил мне, как только увидел новости. Я посоветовала ему сыграть на опережение, сделав добровольное заявление.

– И он последует вашему совету? – интересуется Макферсон.

– Сказал, что да. И, будем надеяться, этим все и закончится.

– Вы уверены? – не отстает от нее Грант. – А как со всем... остальным?

– Он клянется, что уничтожил все следы.

Грант смотрит ей прямо в глаза.

– Остается только надеяться, что вы не ошибаетесь, – проносит он со значением.

* * *

Сразу после трех часов дня детектив-констебль Асанти покидает станцию метро «Дамба» и выходит под набухшие влагой небеса, навстречу резким порывам ветра, дующего с реки. Кажется, что даже деревья съжились от холода. Он

натягивает перчатки и направляется на север, в сторону Королевского колледжа. В Лондоне Асанти впервые после того, как перевелся в полицейское управление долины Темзы три месяца назад, и всю дорогу, пока ехал на поезде, он размышлял, *что* ощутит, вернувшись назад. Хотя это даже не его «околоток». Полицейский участок в Брикстоне находится отсюда в паре миль по прямой и в то же время гораздо дальше, если измерять расстояние любыми другими человеческими мерками. А что касается того места, где он вырос – еще пять миль на запад, – то оно находится вообще в параллельной вселенной. И его новые коллеги в участке Сент-Олдейт ничего об этом не знают. Они только слышали слово «Брикстон», а дальше могут домысливать что хотят. А он не позволит разным проявлениям бытового расизма выбивать его из колеи. Потому что, да, его участок находился именно в Южном Лондоне³⁶, но учился он в Харроу³⁷, а его папа из Ганы – бывший дипломат, а английская мама – генеральный директор фармацевтической компании. И живут они в особняке с оштукатуренным фасадом на площади Холланд-Парк³⁸. И зовут они его Антони³⁹, через «А». Родители все еще ошеломлены его выбором карьеры, но Энтони

³⁶ Неблагополучные районы Лондона.

³⁷ Одна из наиболее известных частных школ в Великобритании.

³⁸ Район Кенсингтона, место проживания зажиточных го- рожан.

³⁹ Антони (более разговорное – Энтони) ведет свое происхождение от римского имени Антоний. Асанти подчеркивает аристократические привычки своих родителей.

всегда рассматривал службу в полиции в качестве простого патрульного как ступеньку в достижении своей главной цели. Теперь все будет по-другому – теперь он в Оксфорде. Он умен и амбициозен, а это те качества, которые город, по его мнению, сумеет оценить. Вместе с сообразительностью, как в сфере интеллектуальной, так и в социальной. Ему хватает ума, чтобы понимать, о чем стоит молчать, а о чем кричать. Сейчас наступило время наблюдать и учиться. И он считает, что детектив-инспектор Адам Фаули будет ему лучшим наставником.

* * *

Я уже, наверное, в сотый раз проверяю свой телефон, когда в дверь стучится Гис.

– Этот мобильный в доме, – начинает он. – Тот, что был на зарядке в кухне...

Я продолжаю смотреть на экран своего телефона. От Алекс ничего нет. Все еще.

– Так вот, получается, что он принадлежит ей. – Он чуть повышает голос. – Жене.

Теперь я уже слушаю его. И очень внимательно.

– Значит, возможно...

– Думаю, что она все еще там. – Сержант кивает.

– Боже! – Я бросаю собственный телефон на стол.

Гислингхэм делает шаг вперед и кладет передо мной рас-

печатку.

– Мы тут поработали с данными о звонках с мобильного Эсмонда. Последний раз он пользовался им во вторник в час пятнадцать дня, когда звонил в банк. В то время Эсмонд уже был в Лондоне. Потом телефон отключили, и вновь он заработал в десять тридцать пять вечера в среду.

– В среду? В тот вечер, когда произошел пожар?

– Правильно. И находился он где-то в районе Тоттенхэм-Корт-роуд⁴⁰.

Дальше ничего объяснять не нужно: Эсмонд находился на расстоянии пятидесяти миль от дома в то время, когда пожар уничтожил его жилище и его семью. И тот, кто устроил этот пожар, вполне мог об этом знать.

– Телефон работал где-то около часа, – продолжает Гислингхэм. – Эсимонд опять выключил его в одиннадцать сорок пять вечера. И за все время работы телефона никуда не звонил, и ему тоже никто не звонил.

– И это всё?

– С тех пор аппарат выключен. – Сержант кивает.

– А звонки за последние три месяца? Есть что-то необычное?

– Бакстер просмотрел журнал, но не смог обнаружить никаких закономерностей. – Гис листает пачку распечаток. – Обычно он по несколько раз в день звонил домой, но в этом

⁴⁰ Улица в центре Лондона, в районе Фицровия; пересекает Оксфорд-стрит и Чаринг-Кросс-роуд.

нет ничего необычного. А так всё больше обычные звонки – например, в газовую компанию или в дом для престарелых, где содержится его мать.

– Больше?

– Ну, есть одна вещь, которая может показаться интересной. В последнее время он часто звонил на мобильный номер с предоплаченным тарифом, но выяснить, кому принадлежит номер, будет очень не- просто.

– И когда начались эти звонки?

– В июне прошлого года. – Гис сверяется с распечаткой. – Сначала по паре звонков в месяц, а потом он стал звонить чаще. По два-три раза в неделю. Последний был утром двадцать четвертого декабря.

– Но не в день пожара?

– Нет. – Гислингхэм качает головой и достает еще одну распечатку. – Хотя на этот номер несколько раз звонили и со стационарного номера в доме Эсмонда. Последние два раза перед Рождеством. А с мобильного его жены – ни разу. Это так, для сведения.

– Думаю, что ты уже попытался позвонить по этому таинственному номеру.

– К сожалению, на звонки никто не отвечает.

– А мы знаем, где был этот мобильный, когда на него звонил Эсмонд?

– Один раз – в Лондоне, а все остальные разы – только в Оксфорде. И в основном в районе Ботли-роуд. Но, не

зная имени владельца, это будет все равно что искать черную кошку в темной комнате.

Ну, да, хорошо бы еще быть уверенным, что она там есть...

По-видимому, я вздохнул, поэтому Гислингхэм заторопился:

– Технари мониторят мобильный Эсмонда на тот случай, если он опять включит его. Но сейчас, где бы ни был Эсмонд, он не разговаривает.

Я смотрю сначала на Гиса, потом на часы. Ровно через двадцать пять минут Майкл Эсмонд должен заговорить – он будет стоять перед полным залом слушателей.

– Знаю, – говорит Гислингхэм, словно прочитав мои мысли. – Асанти звонил полчаса назад – пока Эсмонда нигде не видно. Но это не значит, что он не появится. Он вообще может быть одним из тех, кто все делает в последнюю минуту.

Но по его лицу я понимаю, что сам он в это не верит. И, честно говоря, я тоже.

* * *

На Саути-роуд стемнело, и пожарным дознавателям приходится зажечь дуговые лампы. Около часа назад начался снег, и несмотря на то что они натянули над местом поисков брезент, крупные белые хлопья всплывают под него, попадают в золотой свет ламп и медленно опускаются на горы по-

черневших обломков.

Пол Ригби разговаривает по телефону за пределами навеса, когда у него за спиной раздается крик. Он оборачивается и видит, как один из экспертов отчаянно машет ему рукой.

– Что-то нашел?

Мужчина кивает, и Ригби идет в его сторону, перебираясь через кучи мусора, черепицы и стекла, которое хрустит под его подошвами. Три человека из его команды смотрят на что-то у себя под ногами. Ригби слишком часто видит подобное выражение на лицах, чтобы ошибиться. Под перекрученной оконной рамой, кусками труб и искореженным листом пластика что-то виднеется.

Человеческая рука.

* * *

На этот раз, когда Гис заходит ко мне в кабинет, мне достаточно одного взгляда, чтобы понять: что-то случилось.

– В чем дело? Эсмонд нашелся?

– Нет, – отвечает сержант с гримасой. – Он так и не появился. Асанти разговаривал с организаторами, и они о нем ничего не знают. Он не позвонил, не прислал сообщения – вообще ничего.

Я тяжело вздыхаю. А потом вдруг понимаю, что совершенно не удивлен этим. Где-то я даже ожидал нечто подобное. Я что, уже подозреваю его? Не думаю – по крайней мере

ре, неосознанно. Но внутренний голос ясно говорит мне об обратном.

Гис делает шаг в кабинет.

– Но, хотя мы так и не нашли его, зато нашли ее. Я за этим к вам и пришел. Звонил Ригби. На месте пожара найдено еще одно тело. Как мы и думали.

– Женское?

Гис кивает.

– И они уверены, что это она?

– Насколько в этом вообще можно быть уверенным. На ней какая-то пижама. Похоже, что она была в одной из спален на верхнем этаже. Очень надеюсь, что она спала и так ничего и не поняла.

В отличие от ее сына, который в ужасе проснулся и понял, что он совсем один.

Я поднимаю глаза на Гислингхэма и вижу, что тот думает о том же.

– О Мэтти больше никаких новостей, босс, – говорит он. – Но надежда умирает последней, да?

* * *

9 апреля 2017 года, 14:13

270 дней до пожара

Саути-роуд, 23, Оксфорд

– А, чтоб тебя!..

Майкл Эсмонд бросает лопату, и та с металлическим звуком падает на землю. Он умудрился обломать ручку о куст, который собирался пересадить. Тяжело дыша, Майкл стоит и смотрит на торчащий обломок ручки. Честное слово, у него есть дела поинтереснее.

– Всё в порядке? – спрашивает Саманта, подходя. Она протягивает ему кружку с чаем. На ней написано: «С днем рождения, папочка!»

– Да, все нормально, – отвечает Майкл с легким раздражением – это его жене пришлось в голову пересадить гребаный бордюр. – Сломал ручку лопаты, а в остальном все хорошо...

Саманта смотрит через сад туда, где играют ее сыновья. Мэтти пытается заинтересовать Захарию игрой в футбол, но малыш просто бежит за мячом, визжа от радости.

– Ты должен быть вратарем, – устало объясняет Мэтти. – А я буду бить.

– Может быть, нам стоит нанять кого-нибудь? – решает Саманта. – Чтобы ухаживал за садом.

– Ты же знаешь, – муж поворачивается к ней, – что садовники в этом городе стоят кучу денег.

– Я не про компании, – быстро продолжает Саманта. – Может быть, поспрашивать на факультете? Должны же быть студенты, которые хотели бы заработать на пиво.

Майкл все еще смотрит на поломанный инструмент.

– Все это вина папаши, – говорит он наконец. – Зачем надо

было сажать такой кустарник?

– Думаю, что он хотел придушить сорняки, – говорит Саманта, стараясь не смотреть на другой бордюр, где уже видны первые ростки крапивы. Она не хочет, чтобы муж думал, что она его критикует, но сад таких размеров нуждается в уходе как минимум дважды в неделю.

Майкл допивает чай и поворачивается к жене, в первый раз достаивая ее взглядом.

– Как ты себя чувствуешь?

– Все хорошо, – быстро отвечает она.

– Выглядишь повеселее... В любом случае лучше, чем вчера.

– Прости, но я чувствовала себя такой измученной... Во-все не хотела взваливать это на тебя.

– Всё в порядке, – отвечает он. – Для этого я и существую. Чтобы присматривать за тобой. За тобой и за мальчишками.

– А ты не думаешь, что я... – начинает Саманта после некоторого колебания.

– Нет, – твердо отвечает он. – Плохая идея. Мы не можем обсуждать все это по новой. Ты не можешь, и я не могу.

– Но я ненавижу все это – живу, как в тумане... Прошу тебя, Майкл...

Ответ ее мужа заглушают крики их младшего сына, который неожиданно врывается в своего отца с обломком ручки лопаты в руках и с криком: «Папа, папочка, ты сломал лопату! Ты сломал ее, папочка!»

– А, вот и ты, Фаули. Присаживайся.

Я стоял возле кофеварки, когда меня разыскал личный помощник суперинтенданта Харрисона и предложил мне «заглянуть» к шефу и поделиться с ним последними новостями. А как говаривал мой инспектор, когда я еще был детективом-констеблем, «предложение – предложением, но не стоит забывать, кто его делает».

– Я думал, что мы закончим дело Эсмонда до выходных, – говорит Харрисон. Наверное, на уик-энд у него какие-то планы, и он не хочет, чтобы им помешали. – И мне тут звонили – думаю, ты понимаешь, о чем я...

Конечно, о звонках из университета. И если вы спросите меня, то точно не от Анабеллы Джордан. Речь, скорее, может идти об одном из высоких кабинетов на Веллингтон-сквер, где вдруг озаботились, как все это выглядит в глазах общественности.

– Так на чем мы стоит, Адам?

Мне не требуется много времени на отчет. Да и зачем оно – у нас ведь ничего нет.

Харрисон задумывается. И наверняка об этих высоких кабинетах.

– А что с машиной?

– На камерах дорожного наблюдения – ничего. Система

распознавания номеров ничего не обнаружила.

– Кредитные карты?

– Ждем ответа из банка. Из-за праздников у них не хватает людей.

Так же, как и у нас.

Супер откидывается на спинку кресла и соединяет перед собой кончики пальцев.

– И что же делать?

Но к этому вопросу я готов.

– Есть одна вещь, сэр, которую можно попробовать...

* * *

Сайт газеты «Оксфорд мейл»

Пятница, 5 января 2018 г. Последнее обновление в 18:11

Срочная новость: Возможно, найдена еще одна жертва пожара в Оксфорде. Полиция обращается к отцу с просьбой явиться добровольно

Ранее жители Саути-роуд сообщали, что видели утром на месте вчерашнего пожара катафалк. Все это происходит на фоне неподтвержденных слухов о том, что в доме найдено тело миссис Саманты Эсмонд.

Миссис Эсмонд, 33 лет, не видели с момента начала пожара. Захария Эсмонд, 3 лет, погиб в огне, а его старший брат, Мэтти, остается в критическом

состоянии в палате интенсивной терапии больницы Джона Рэдклиффа. Изначально считалось, что миссис Эсмонд и ее муж Майкл, 40 лет, пропали без вести, но складывается впечатление, что полиция прекратила поиски миссис Эсмонд, усилив таким образом подозрения, что найденное тело принадлежит ей.

На сегодняшней пресс-конференции детектив-инспектор Адам Фаули публично обратился к Майклу Эсмонду с призывом явиться в полицию добровольно: «Мы не знаем, где находится мистер Эсмонд, нас все больше и больше беспокоит его отсутствие, и мы призываем его связаться с нами как можно быстрее. Если кто-то из жителей видел доктора Эсмонда в любое время после 2 января, когда он зарегистрировался на конференции в Лондоне, мы будем очень благодарны, если он сообщит нам об этом».

Детектив Фаули отказался обсуждать вопрос, является ли доктор Эсмонд поджигателем, так же как и личность второй найденной жертвы.

«В свое время будет сделано официальное заявление», – сообщил он. Эсмонд, 40 лет, является сотрудником факультета антропологии. Офис Университета на Веллингтон-сквер выпустил официальное заявление с соболезнованиями семье Эсмонда и его друзьям.

Хаос на фоне затянувшихся работ на перегоне между Оксфордом и Дидкотом

Пассажирам приходится долго ожидать компенсационных автобусов после того, как инженерные работы, намеченные на рождественские праздники, не были закончены...*/читать дальше*

Сообщено совет Оксфорда наметил план мероприятий в честь 100-й годовщины окончания Первой мировой войны... */читать дальше*

Водителей предупреждают об осторожности после кражи машины от самого дома

Вчера у жителя Оксфорда была похищена машина, которую он оставил с включенным двигателем, чтобы прогреть...*/читать дальше*

Футбол: Молодежная лига «Оксфорд мейл», обзоры и результаты... */читать дальше*

«Чудесный ребенок» покидает больницу Джона Рэдклиффа

Девочка, родившаяся на два месяца раньше срока и с редким пороком сердца, сегодня покинет клинику вместе со своей мамой... */читать дальше*

213 комментариев

Tenant of Wildfell77

Где же этот гребаный папаша – вот что мне хотелось бы знать. За все это время он ни разу не позвонил и не смотрел новостей по телевизору? Простите, но это хрень какая-то...

nick_trelawney_40

Даже если мать все-таки была в доме, для меня все это дурно пахнет. Такие дома не сгорают дотла за пять минут.

EchinasterGal556

А я все думаю об этом несчастном ребенке. Каково ему будет, когда он придет в себя и узнает, что его мамочка и маленький братик умерли?

VivendiVerve

Дом наших друзей сгорел дотла из-за светильников, которые неправильно установили. Люди не понимают, что светильники могут перегреться и поджечь весь дом. После всего случившегося мы проверили наши и выяснили, что они тоже должны были вот-вот загореться. Чудо, что мы успели вовремя. Проверьте свои – это мой вам совет.

*** * ***

Отправлено: Пт 05/01/2018 в 19:35

Важность: Высокая

От: Colin.Boddie@ouh.nhs.uk

Кому: DIAdamFawley@ThamesValley.police.uk,
CID@ThamesValley.police.uk,
AlanChallowCSI@ThamesValley.police.uk

Я только что закончил вскрытие трупа женщины, найденного в доме. Предварительная причина смерти – отравление продуктами горения, но для того, чтобы окончательно подтвердить это, мне надо будет провести анализ крови и токсикологию. На данном этапе обращает на себя внимание небольшое, но свежее повреждение на правой стороне шеи. Думаю, что оно появилось в течение 48 часов, предшествовавших смерти.

После того как я немного отмою тело, можно будет провести формальное опознание в присутствии родственников.

* * *

В субботу, в 8:30 утра, Гислингхэм сидит на полу в своей гостиной. Комната выглядит как блошинный рынок, в который попал метеорит. Из коробок для украшений тянется мишура, поздравительные открытки сложены в стопку и готовы к переработке, провода китайских фонариков запутаны. И среди всего этого – Билли. Который прячется под коробками, срывает украшения с наполовину разобранный елки и ездит среди этого хаоса на своей любимой пластмассовой машине. И неважно, насколько тщательно Гислингхэм

укладывает коробки: стоит ему отвернуться, и Билли начинает вновь опустошать их. Он явно думает, что это очень веселая игра, которую затеяли только для него. Более того, так весело ему было, пожалуй, только один раз в жизни, когда он начал открывать горы подарков со своим именем на них.

В комнату, вытирая руки полотенцем, входит Джанет.

– Крис, следи за тем, чтобы он не ушибся.

Билли смотрит на нее со своего места на полу. На нем крохотная футболка клуба «Челси» с надписью «Чемпионы-2017» на спине.

Гислингхэм бросает на него быстрый взгляд.

– Он прекрасно проводит время. Правда, Билли?

Джанет наклоняется чуть ближе.

– А это что у него на лице, шоколад?

– На елке осталось два нетронутых Санты.

Билли ухмыляется во весь рот и начинает колотить ручками по машине.

– Ладно, я сдаюсь, – Джанет улыбается. – Пусть мальчики занимаются своими игрушками. Хотя хорошо было бы, если б ты все-таки убрал украшения. Может быть, успеешь к *следующему* Рождеству? И *больше* никакого шоколада!

Она выразительно смотрит на Гислингхэма, а потом поворачивается и возвращается на кухню. Сержант подмигивает сыну и достает из кармана еще одного Санту, завернутого в красную и золотистую фольгу.

– Только не говори мамочке, – произносит он театраль-

ным шепотом, и Билли повизгивает от восторга.

– *А я все слышу!* – кричит жена.

Кажется, никогда она не чувствовала себя счастливее.

* * *

Сайт газеты «Оксфорд мейл»

Суббота, 6 января 2018 г. Последнее обновление в 10:23

Пожар в Оксфорде: Пока никаких новостей

Пожарным дознавателям еще предстоит подтвердить причину возгорания в доме номер 23 по Саути-роуд, где, как известно, погибли два человека. Трехлетний Захария Эсмонд погиб в огне. Предполагается, что труп его матери, Саманты, был тоже найден на месте катастрофы. Ее старший сын, Мэтти, все еще остается в палате интенсивной терапии госпиталя Джона Рэдклиффа. Детектив-инспектор Адам Фаули подтвердил, что пожарные дознаватели продолжают свою работу, но отказался обсуждать возможность поджога. Хотя он подтвердил, что дом не был отделан сайдингом, который, таким образом, не стал причиной быстрого распространения огня, как об этом говорили некоторые комментаторы.

По информации «Оксфорд мейл», Майкл Эсмонд, 40 лет, все еще не обнаружен.

Местная девушка добивается успеха в конкурсе «Британия ищет таланты».

Родившаяся в Банбэри 26-летняя Кэти Пауэр вышла в следующий тур популярного шоу.../читать дальше

В «Вестгейт-сентер» создан торговый центр 21-го столетия

Популярный реконструированный «Вестгейт-сентер» в центральном районе Оксфорда превратился в еще один «отличный» торговый район, сообщает... /читать дальше

Оксфордский книжный фестиваль: названы главные участники

Программа Оксфордского книжного фестиваля 2018 года будет включать Ричарда Докинса, Клэр Томалин, Пенелопу Лайвли и Руби Вокс.../читать дальше

Дело «Извращенца»: полиция говорит о двух новых случаях

Предполагается, что ночной бродяга, проникающий по ночам в дома жителей, но ничего оттуда не ворующий, появился вновь, на этот раз в Саммертауне... /читать дальше

87 комментариев

nick_trelawney_40

«Все еще не обнаружен»? Я же говорил, что здесь все не так просто, как кажется на первый взгляд.

MedoraMelborne

А я думала, что в наше время результаты экспертизы получают практически сразу.

Strictervictor_8_9

Вы смотрите слишком много сериалов по ящику. Чтобы обработать такую площадь после пожара, могут потребоваться недели.

7788PlatinumPat

Я встречала Саманту Эсмонд – Мэтти учится в школе Епископа Христофора, там же, где и мои двое. Мне она показалась очень приятной женщиной.

* * *

Когда Гис позвонил, я только что вернулся из «Теско»⁴¹ с новой порцией пиццы и замороженных продуктов. Я езжу туда уже третий раз за последнюю неделю. И постоянно убеждаю себя в том, что Алекс вернется через пару дней и что мне не хочется, чтобы в этот момент холодильник оказался полон еды, которую никто не будет есть. И вообще, мне кажется, давно пора, чтобы какой-нибудь умник объяснил всем, что «отрицание»⁴² – это не пустой звук...

⁴¹ Сеть супермаркетов в Великобритании.

⁴² В данном случае используется в значении: психический процесс, относимый

– Мне наконец отзвонилась профессор Джордан, – сообщает Гис. – Женщину, к которой якобы приставал Эсмонд, зовут Лорен Камински. Она аспирантка в Вольфсон-колледж.

– А это почти за углом от Саути-роуд...

– Я звонил туда, но мне сказали, что она уехала на Рождество. Домой, в Нью-Йорк. Но вроде бы должна вернуться в этот уик-энд. Мне позвонят, как только она появится, и мы съездим туда. Некоторые вопросы лучше задавать, глядя прямо в глаза.

– А как насчет нашего призыва?

Я слышу, как он вздыхает.

– Мне кажется, позвонило уже человек тридцать пять. Отовсюду, начиная с Саутгемптона и кончая Саут-Шилдс⁴³, так что я сомневаюсь, что хотя бы одному из них можно верить. Но в тот момент, когда ты обращаешься за помощью к Великой Британской Нации... ну, дальше вы сами все знаете. Знаю. И очень хорошо.

– Но боюсь, что есть кое-что еще, босс. – Теперь я слышу, как изменился его голос. Ясно, что у него плохие новости. – Я не хотел беспокоить вас в выходные, но появились родители. Родители Саманты.

– Мы что, их разыскали?

к механизмам психологической защиты. Проявляется как отказ признавать существование чего-то нежелательного.

⁴³ Оба города находятся на значительном расстоянии от Оксфорда.

– Не совсем так. Они приехали сюда. И сейчас находятся в здании. Они получили наше сообщение, но до этого уже успели увидеть новости, пока были на каникулах. И приехали прямо из аэропорта.

Я роняю пакеты с едой и выпрямляюсь, пытаюсь перестроиться. Дерьмовая работа становится вдруг в десять раз дерьмовее.

– Ладно. Посади их в какую-нибудь допросную поприличнее и организуй кофе, хорошо? Я буду через двадцать минут.

* * *

Запись беседы с Грегори и Лорой Гиффорд в полицейском участке Сент-Олдейт, Оксфорд, 6 января 2018 г., 11:05

Беседу провели детектив-инспектор А. Фаули и детектив-констебль В. Эверетт.

А.Ф.: Прежде всего мне хотелось бы сказать вам, мистер и миссис Гиффорд, что мы очень сожалеем о случившемся. Вам, должно быть, уже известно, что пожарные нашли еще одно тело. И я боюсь, что это тело вашей дочери.

Г.Г. (касаясь руки своей жены; миссис Гиффорд начинает всхлипывать): Мы тоже этого боимся. Что бы ни говорили по телевизору, мы уверены, что Саманта никогда не оставила бы детей одних. Так что мы знаем, что в доме нашли именно ее.

А.Ф.: Я также хочу извиниться, что мы не смогли сообщить вам о пожаре до того, как вы увидели новости.

Г.Г.: Ну, мы же были на отдыхе, не так ли? В наши дни все происходит именно так. Одни сплошные новости.

А.Ф.: И тем не менее мне очень жаль. Я должен предупредить вас, что эта комната оборудована записывающей аппаратурой. С вашего позволения, мы хотели бы записать все, что вы скажете. Трудно переоценить, насколько ваши слова будут важны для наших розысков. И меньше всего на свете мы хотели бы вызывать вас сюда еще раз, чтобы вы отвечали на новые вопросы.

Л.Г. (продолжая всхлипывать): Я не очень понимаю, что мы можем вам сообщить. Ведь это был несчастный случай, да?

В.Э.: Мы пока не уверены в этом на все сто процентов, миссис Гиффорд. Пожарная служба все еще работает в доме и продолжает свое расследование.

Л.Г.: Вы хотите сказать, что кто-то намеренно поджег дом? С Самантой и этими милыми малышами, спящими внутри? Кому мог прийти в голову этот ужас?

Г.Г. (успокаивая жену): Вы действительно так думаете, инспектор?

А.Ф.: Я знаю, что разочарую вас, но в настоящий момент возможно и то, и другое. Именно поэтому мы и хотели с вами поговорить.

Г.Г. (обмениваясь взглядами с женой): Знаете, я не пред-

ставляю, что мы можем вам рассказать. Мы давно не видели Саманту.

В.Э.: Это обычно для ваших отношений?

Л.Г.: Не совсем. Обычно мы виделись с ними чаще. Мы живем в Озерном крае⁴⁴, и они приезжали к нам на каникулы. Мэтти плавал с Греггом на лодке... (Она вновь начинает плакать в платок, стараясь заглушить всхлипывания.) Он такой милый, милый мальчик...

А.Ф.: А когда вы видели дочь в последний раз, мистер Гиффорд?

Г.Г.: Наверное, в конце июня. У жены был день рождения. Они оставались на ночь.

А.Ф.: Это очень давно.

Г.Г.: Камбрия далеко. Так, по крайней мере, всегда говорил Майкл.

А.Ф.: То есть на Рождество вы с ними не виделись?

Г.Г.: Мы поставили у себя этот «Скайп» – так что видели, как Мэтти и Захария открывали наши подарки.

А.Ф.: И как вам показались члены семьи?

Г.Г.: Майкла было мало видно. Он присутствовал где-то на заднем плане.

Л.Г.: Они все были в детской. Саманта прекрасно ее украсила. У нее дар к такого рода вещам.

⁴⁴ Горный регион в Северо-Западной Англии, в графстве Камбрия; территория историко-культурной области практически совпадает с Камберлендскими горами.

А.Ф.: А как они вели себя во время вашей встречи в июне?

Г.Г.: Да вроде как обычно. Саманта была не такая активная, как обычно, но она сказала, что у Захарии болел животик, и она сильно недосыпала.

А.Ф.: А Майкл?

Г.Г.: Да как обычно.

А.Ф. (после паузы): У вас были хорошие отношения с зятем, мистер Гиффорд?

Г.Г.: Если начистоту, то я всегда считал его надутым индюком.

Л.Г.: Грег, он пропал без вести...

Г.Г.: Я знаю, Лора. А наш внук умер, и если он имеет к этому какое-то отношение, ну хоть малейшее...

А.Ф.: Почему вы это говорите, мистер Гиффорд?

Г.Г.: Ну, я не знаю. Он мог с кем-то поссориться...

Л.Г.: Грег, я прошу тебя...

А.Ф.: Вы имеете в виду кого-то конкретно?

Г.Г. (после паузы): Нет.

А.Ф.: То есть у него не было врагов, о которых вы знали бы?

Г.Г.: Я ни о чем подобном не знал. Одно могу сказать точно – я хорошо представляю себе, как он может кого-нибудь взбесить.

А.Ф.: А вы не знаете, хранили ли они в доме деньги или драгоценности?

Л.Г.: Вы думаете, что это могло быть ограбление?

Г.Г.: Но ведь если кто-то забрался в дом, то должны были остаться следы? Вроде взломанной двери или чего-то в этом роде...

А.Ф.: Масштабы нанесенного огнем урона таковы, что нам понадобится какое-то время, прежде чем мы сможем ответить на этот вопрос. А пока, как я уже сказал...

Г.Г.: Вы ни в чем не уверены. Понятно.

А.Ф.: Как я понимаю, дом приобретался не в ипотеку. Это семейное владение?

Г.Г.: У семьи Майкла был ювелирный бизнес. И они продали его лет двадцать назад. Сделали на этом хорошие деньги. Так, по крайней мере, говорил мне Майкл.

А.Ф.: То есть в доме могли быть дорогие вещи?

Л.Г.: У Майкла были золотые карманные часы, которые, наверное, немало стоили. По-моему, они принадлежали еще его прапрадеду. На них еще было написано что-то по-польски. «Кровь гуще воды...» – что-то в этом роде. Семья действительно очень ими дорожила.

А.Ф.: Я проверю, находили ли на месте пожара золотые карманные часы. Что-нибудь еще?

Г.Г.: Я никогда ничего не видел. И он никогда не делал дорогих подарков Саманте – это я знаю точно. Даже помолвочное кольцо они купили в «Эйч Сэмюэл»⁴⁵.

Л.Г.: Но ведь они были тогда студентами, Грег...

⁴⁵ Ювелирные магазины одноименной компании, ориентированные на массовый рынок.

Г.Г.: Ты что, думаешь, я этого не знаю? Им вообще не надо было так быстро жениться. Саманта была слишком молода. А что касается ребенка...

В.Э.: Я не уверена, что поняла вас. У нее что, были проблемы с беременностью?

Л.Г.: Речь не об этом. А о том, что ей пришлось ко многому привыкать, вот и всё. Большинство молодых мам с этим сталкиваются. Она надыхаться не могла на Мэтти. (Она опять начинает всхлипывать.)

А.Ф.: Думаю, что этого достаточно. Констебль Эверетт организует, чтобы вас отвезли в больницу, где вы сможете увидеть внука. Она также будет вашим контактным лицом. Так что если вам что-нибудь понадобится или у вас появятся вопросы – связывайтесь с ней.

* * *

Выйдя в коридор, я жду, пока Эверетт проводит их до ресепшен.

– Я предложила съездить с ними в больницу, – говорит она, возвращаясь. – Наверное, будет лучше, если это сделаю я – иногда эти палаты могут испугать, особенно если не привык к ним.

Я вспоминаю, как и всегда в подобных обстоятельствах, что, прежде чем прийти в полицию, Эв получила образование медицинской сестры.

– А если они смогут выдержать, то после этого я устрою опознание Саманты.

– Ну, и каковы твои впечатления? – спрашиваю я. Она очень чутко улавливает все скрытые эмоции, наша Эв. Это одна из причин, по которой я пригласил ее на беседу.

– Отношения между зятем и тестем нельзя назвать безоблачными, а? – тяжело вздыхает она.

– Чем больше я узнаю про Майкла Эсмонда, – я согласно киваю, – тем меньше он мне нравится.

– Мне тоже, босс. Но даже если он обладает талантом настаивать против себя людей, то все равно отсюда и до поджога – дистанция огромного размера.

Да, для того, чтобы совершить такое, надо быть социопатом⁴⁶. А пока никого, даже отдаленно его напоминающего, на горизонте не видно. Или мы о нем ничего не знаем.

* * *

Стр.6 из 17

УПРАВЛЕНИЕ ПОЛИЦИИ ДОЛИНЫ ТЕМЗЫ

Журнал записи телефонных разговоров 6 января 2018 г.

⁴⁶ Социопат – человек, страдающий расстройством личности, которое характеризуется игнорированием социальных норм, импульсивностью, агрессивностью и крайне ограниченной способностью формировать привязанности.

<i>Имя звонившего:</i>	<i>Имоджин Хамфри</i>
<i>Дата и время наблюдения:</i>	4 января 2018 г., около 23:30
<i>Краткое содержание разговора:</i>	Звонившая сообщила о том, что видела мужчину, отвечающего описанию Майкла Эсмонда, в районе Ковент-Гардена в Лондоне. По ее словам, он плохо ориентировался в пространстве и, возможно, был пьян. Из носа у него текла кровь.
<i>Дальнейшие действия?</i>	Сержанту Вудс связаться с Мет относительно доставленных в больницы/приюты для бездомных.

<i>Имя звонившего:</i>	<i>Том Уэсли</i>
<i>Дата и время наблюдения:</i>	4 января 2018 г., 08:45
<i>Краткое содержание разговора:</i>	Возможное появление в Хантсе. Звонивший видел мужчину с собакой на берегу. У него создалось впечатление, что он спал на улице.
<i>Дальнейшие действия?</i>	Констеблю Линбери связаться с полицией Хантса.
<i>Имя звонившего:</i>	<i>Алан Уилкокс</i>
<i>Дата и время наблюдения:</i>	5 января 2018 г., 15:25
<i>Краткое содержание разговора:</i>	Возможное появление Майкла Эсмонда в Грэме, Линкольншир. Делал покупки в «Асаде». Звонивший абсолютно уверен, что это был он.
<i>Дальнейшие действия?</i>	Сержанту Вудс связаться с полицией Линкольншира.
<i>Имя звонившего:</i>	<i>Гарриет Морган</i>
<i>Дата и время наблюдения:</i>	4 января 2018 г., 16:00
<i>Краткое содержание разговора:</i>	Видел Майкла Эсмонда в Нортхэмптоне, ожидающего своей очереди у телефонной будки.
<i>Дальнейшие действия?</i>	Констеблю Линбери проверить звонки из данной будки на предмет их связи с Майклом Эсмондом.
<i>Имя звонившего:</i>	<i>Ник Брайс</i>
<i>Дата и время наблюдения:</i>	5 января 2018 г., 16:30
<i>Краткое содержание разговора:</i>	Сообщил о том, что видел Эсмонда на станции «Кингз-Кросс» возле кафе «Старбакс».

<i>Имя звонившего:</i>	<i>Сара Эллисон</i>
<i>Дата и время наблюдения:</i>	<i>5 января 2018 г., около 14:00</i>
<i>Краткое содержание разговора:</i>	<i>Возможно, видела Эсмонда в Гайд-парке в сопровождении собаки. Находилась от него на большом расстоянии.</i>
<i>Дальнейшие действия?</i>	<i>Не требуются</i>
<i>Имя звонившего:</i>	<i>Райан Коллинз</i>
<i>Дата и время наблюдения:</i>	<i>6 января 2018 г., 09:20</i>
<i>Краткое содержание разговора:</i>	<i>Возможно, видел разыскиваемого возле Бичи-Хэд.</i>
<i>Дальнейшие действия?</i>	<i>Сержанту Вудс связаться с полицией Сассекса</i>

*** * ***

В больнице Джона Рэдклиффа яркие лучи зимнего солнца заливают палату интенсивной терапии в педиатрическом отделении. Дойдя до двери, Гиффорды останавливаются, потрясенные количеством аппаратуры, установленной возле каждой кровати. Простыни ярких цветов и рисунки животных на стенах лишь усиливают это впечатление. Сестры быстро и бесшумно двигаются между пациентами, проверяют мониторы, дают лекарства и переговариваются друг с другом полусшепотом. Лора Гиффорд подносит носовой платок

к губам, и Эв успокаивающе дотрагивается до ее руки.

– Я знаю, выглядит это ужасно, но на поверку все не так плохо, как кажется на первый взгляд, – говорит она негромко. – Здесь просто фантастические специалисты. Лучшего для Мэтти и пожелать невозможно.

– Мистер и миссис Гиффорд? Нас предупредили, что вы приедете. Прошу, пожалуйста, за мной.

Мэтти лежит в кровати возле окна. Глаза у него закрыты, и он не шевелится. На лице у него закреплена кислородная маска, от груди идет целый пучок проводов. Все его тело скрыто под бинтами и повязками. Вокруг глаз – там, где горела оправа, – видны следы.

– Как он? – шепотом спрашивает Лора.

– Сейчас он под воздействием седативных средств. – Сестра поднимает на нее глаза. – Ему сделали бронхоскопию и рентген. Теперь мы постарались устроить его как можно удобнее, но, боюсь, состояние остается очень тяжелым. Следующие сорок восемь часов станут критическими.

Миссис Гиффорд начинает беззвучно всхлипывать; муж обнимает ее за плечи.

– Они знают свое дело, милая. Это одна из лучших больниц в стране.

– Он кажется таким крохотным...

– Это все из-за кровати, – с готовностью поясняет сестра. – Они у нас такие большие, что бедные детишки на них просто теряются.

– А можно с ним немножко посидеть? – спрашивает Лора.

– Ну конечно. – Сестра улыбается. – Сейчас я организую пару стульев.

Но когда она выходит в коридор, Гиффорд кладет руку на плечо жены.

– Ты оставайся здесь с сестрой, а мы с констеблем постараемся найти нам всем чай.

Эверетт уже готова сказать, что она справится с этим одна, но одного взгляда на лицо Гиффорда достаточно, чтобы понять: он хочет поговорить с ней с глазу на глаз.

Как только они отходят достаточно далеко, мужчина поворачивается к ней лицом.

– Вам же надо будет провести опознание, не так ли? Я имею в виду Саманту.

– Боюсь, что да. – Эверетт кивает.

– А она здесь? – спрашивает мужчина, и тон его голоса цепляет Верити. – В этой больнице? Понимаете, я не хочу, чтобы Лора ее видела. Ей и так несладко. Я не хочу, чтобы она запомнила дочь такой...

– Думаю, это очень мудро с вашей стороны, сэр.

– Так, может быть, сделаем это сейчас? Пока она с Мэтти? Вы можете это организовать?

– Я сейчас спущусь и поговорю с патологоанатомом, – говорит Эверетт, доставая телефон.

* * *

Вернувшись за свой стол, Гислингхэм оказывается перед дилеммой. Теоретически он может отправляться домой – в конце концов сегодня выходной, – но вся команда работает, а он – их сержант. И не хочет, чтобы остальные подумали, что он дал слабину. Так что, когда Гислингхэм включает компьютер и во второй раз набирает в «Гугле» «Майкл Эсмонд», он делает это скорее для того, чтобы чем-то себя занять, а не потому, что надеется найти что-то новое.

Десять минут спустя Гис убеждается: все, что он видит перед собой на экране, уже найдено Бакстером в «Фейсбуке». Рутинная информация о научной квалификации Эсмонда, ссылки на его выступления на конференциях и публикации. В конце шестой страницы «Гугл» сообщает: «Мы удалили некоторые статьи, аналогичные тем 72, которые вы видите перед собой». Любой другой на его месте – а Куинн-то уж точно – сдался бы, но Упрямство – это второе имя Гиса, так что он возвращается в начало списка и кликает по одной из наименее многообещающих ссылок. И находит...

* * *

– Вы хотите сказать, что мне не придется туда заходить? –

Грегори Гиффорд сидит в небольшой комнатке рядом с помещением морга. В ней нет окон, пол затянут традиционным серым ковром. На столе перед ним стоит компьютер. На экране лениво то исчезает, то появляется логотип клиники. Это все-таки лучше, чем оцифрованные рыбки.

Эверетт дружелюбно улыбается Гиффорду:

– К счастью, сейчас всё уже не так, как показывают по ящику. Гораздо менее драматично. Когда будете готовы, ассистент выведет на экран фотографию, и вам зададут вопрос: «Узнаете ли вы свою дочь?» Вот и всё – больше ничего делать не нужно.

– О'кей. Понятно. – Гиффорд делает глотательное движение. Несколько мгновений он барабанит пальцами по столу. – Ладно. Давайте заканчивать. Лора будет нас искать.

Эверетт кивает ассистенту, который нажимает несколько клавиш. На экране появляется изображение. Фотографировали с верхней точки. Видно лицо женщины, а вот ее тело закрыто простыней. Не так это было, когда Эверетт попала сюда впервые. Она уже говорила это и будет повторять в будущем: «Как бы они ни умерли, у всех них есть нечто, что западает тебе в голову и никуда не девается, – какая-то мелочь, которая несет на себе отпечаток их личности». В случае с Самантой Эсмонд это лак для ногтей. Несмотря на все повреждения и грязь, Эверетт ясно видит, как много внимания эта женщина уделяла своим рукам. Бесцветный лак, аккуратные кутикулы. Констебль готова побиться об заклад,

что на тумбочке возле ее кровати стояла целая банка с кремом для рук.

Она слышит, как сидящий рядом с ней Гиффорд втягивает воздух, и поворачивается к нему.

– Это ваша дочь, сэр?

– Да, это Саманта. – Он повторяет глотательное движение.

– Благодарю вас. Я знаю, как это непросто...

Изображение исчезает. Гиффорд поворачивается в кресле и оказывается лицом к лицу с Эверетт.

– А Захария? Разве его не надо опознавать?

Эверетт и ассистент обмениваются взглядами.

– Есть другие методы, которые, на наш взгляд, больше подходят в его случае, – отвечает ассистент.

Но Гиффорд далеко не дурак.

– Вы не хотите, чтобы я его видел, так? Потому что он в жутком состоянии, да?

Эверетт качает головой, понимая, что неискренна с ним. Она видела фотографии.

– Нет необходимости расстраивать вас, – говорит она. – Правда.

Гиффорд откидывается в своем кресле, и на одно ужасное мгновение ей кажется, что он будет настаивать, но его плечи слегка опускаются.

– Ладно, – говорит он. – Вам виднее.

– Думаю, да, – говорит констебль, делая печальное лицо. – К сожалению.

* * *

– Инспектор Фаули? Вас здесь хотят видеть, сэр.

Это Андерсон – он сегодня дежурный. И, кажется, с большим, чем обычно, подозрением относится к неизбежным рискам, связанным с нашей профессиональной деятельностью, коими в его глазах являются посетители.

– Только что явился в дежурную часть. Немец. Ему не назначено. Могу сказать, что вас нет, – ведь сегодня выходной, и вы, наверное, ждете не дождетесь, когда можно будет отправиться домой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.